

A man in a grey suit and a woman in a red polka-dot dress stand in a magical spice shop. The woman holds a glass jar filled with spices. The background is filled with shelves of jars and floating spices. The title is written in a stylized white font.

ЕМАРИНА
ОФИМИНЮК

ПРЯНАЯ
ШТУЧКА

Магия, меняющая мир

Необыкновенная магия. Шедевры Рунета

Марина Ефиминюк

Пряная штучка

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ефиминюк М. В.

Пряная штучка / М. В. Ефиминюк — «Издательство АСТ»,
2021 — (Необыкновенная магия. Шедевры Рунета)

ISBN 978-5-17-137553-9

Если вас уволили со скандалом и от любимой работы остался только бронзовый конь, не время унывать! Отправляйтесь в глухую провинцию, где откройте собственное дело, и запомните, что отныне торговать придется отнюдь не острым словом. Парочка новых рецептов? Мешки со специями? Маг, требующий уплаты непосильного долга? Даже острые перцы не страшны горячей штучке, а вы тут со своими проблемами...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-137553-9

© Ефиминюк М. В., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Марина Владимировна Ефиминюк

Пряная штучка

Роман

* * *

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© М. Ефиминюк, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Глава 1

Ветхое наследство

– Да вы шутите, – прошептала я, стоя перед заброшенной торговой лавчонкой. Руки опускались. Не от удивления, а от тяжести бронзового коня. Пришлось подставить колено и, балансируя на одной ноге, прижать к груди дорогую сердцу статуэтку. Лучше надорваться, но не позволить престижной премии «Самое бойкое перо королевства», можно сказать, достижению всей моей жизни, уткнуться бронзовой оскаленной мордой в дорожную пыль городка Питерборо!

– Мы точно не ошиблись адресом? – оглянулась я через плечо к носильщикам, сгружавшим с тачки дорожные сундуки.

– Нет, госпожа, – отозвались те. – Она и есть. Старая чайная лавка Ходжеса.

Витрины лавки были заколочены. Потемневшие ставни на втором этаже плотно закрыты. На обшарпанной двери висел ржавый навесной замок. Молоточек кто-то скрутил, уличный фонарь тоже – остался только жалкий крюк. Весь домик выглядел донельзя линялым и решительно не соответствовал светлому образу, нарисованному мной в воображении.

Глядя на ветхое безобразие, я была готова официально заявить, что те, кто нас, газетчиков, называл врунами, никогда не получали вежливых писем от стряпчих, служивших у покойных дядюшек по материнской линии. В злосчастном послании говорилось, что я, Александра Генриетта Колфилд, получила в наследство от безвременно скончавшегося родственника чудную торговую лавку в живописном городке Питерборо, что стоял на берегу озера Кристал-Уотер.

Громкое название рисовало в воображении удивительной красоты горные склоны, затейливые особнячки и толпы отдыхающих в любое время года богатеев. Но когда я вышла из омнибуса, в котором тряслась сорок часов с бронзовым конем на коленях, то почувствовала себя обманутой. Питерборо оказался обычной провинциальной дырой, сонной и неторопливой. От чистого воздуха кружилась голова, а от тишины звенело в ушах. И ни единого магната! Если только они не прятались по подворотням и кустам.

К слову, набережной в городке вообще не было. По дороге к дядюшкиной лавке носильщики мне объяснили, что Питерборо стоял в двадцати милях от озера, то есть на непреодолимом расстоянии к туристическим маршрутам. Откуда здесь взяться набережным с пирсами и магнатам с яхтами? Хорошо, что свое почтовое отделение имелось и даже маленький вокзал, правда, открытый всего пару лет назад.

– А когда будет следующий омнибус до Кингсбурга? – как будто небрежно уточнила я.

– Через неделю, – сгружая последний сундук, объявили работники.

Я подавилась на вдохе.

– Сложить вещи обратно? – ухмыльнулся один из них.

– Нет уж, – передернула плечами. Вернее, попыталась. С тяжелой дур... фигурой даже двигаться получалось с трудом. От веса «достижения всей моей жизни» ныли руки и подгибались колени. Я действительно сбежала бы от местных красот и свежего воздуха обратно в столицу, но возвращаться нам с конем и дорожными сундуками было решительно некуда.

Оставив меня перед ветхой собственностью, готовой рассыпаться на дощечки от любого дуновения ветерка, носильщики загремели тачкой по брусчатке.

К посланию от стряпчего прилагался ключ. Я его почти отыскала, но выронила ридикюль из рук, а следом чуть не упустила коня. От удара в сумке что-то подозрительно звякнуло. Главное, чтобы не ароматическое масло. Не хочется пахнуть, как коммивояжер с ящиком дешевых благовоний.

– Сейчас я тебя достану, сволочь! – процедила я.

Расставила пошире ноги и попыталась поднять ридикюль, не выпуская из рук статуэтку. Но только кончики пальцев зацепились за ручку, как в поле зрения появились чужие туфли, и сумку выдернули буквально у меня из-под носа!

– Да ты оборзел, сволочь! Положи обратно, иначе конем зашибу! – рявкнула я, изумляясь наглости местных грабителей. Где это видано: увести сумку среди бела дня?

– Извините, госпожа Колфилд, – вдруг смутился налетчик.

Я выпрямилась и глянула на преступника. Оказалось, что рядом мялся невысокий, невзрачный типчик в дурно сидящем костюме и с прилизанными на косой пробор светленькими волосенками. Выглядел он не вором, а серийным маньяком.

– Откуда вы знаете мое имя? – сощурилась я.

– Я Стэн Кроули, поверенный вашего дядюшки. Это я вам писал, – объявил он.

– Ах, стряпчий...

– Приятно познакомиться. – Он протянул руку.

– Взаимно, – согласилась я и с ловкостью фокусника-мошенника втюхала поверенному бронзовую статуэтку. От тяжести у бедняги подогнулись колени. Он крикнул, но прижал коня к груди с таким рвением, точно охранял родное дитя.

– И как вы узнали о моем приезде? – забрав у него ридикюль, я принялась переворачивать содержимое в поисках ключа и печати для охранного заклятья – небольшой плашки из магического металла.

– У нас городок маленький, новости расходятся быстро, – простонал поверенный и кое-как обтер рукавом пальто испарину, немедленно выступившую от натуги.

– Быстрее только простуда, – заметила я, целясь ключом в замочную скважину. Учитывая, что омнибус прибыл на станцию не больше часа назад, новости в Питерборо разлетались не просто быстро, а со скоростью скверны в осажденном замке.

– Постойте! – притормозил меня Кроули. – Сначала печать. Вот сюда...

Он указал на почти бесцветную метку, выдавленную на двери рядом с ручкой. От тяжести бронзового коня натруженные руки тряслись, и я не с первого раза попала плашкой в знак. На одно мгновение фасад дома вспыхнул бледным зеленоватым светом.

Я присвистнула. А дядька-то на охранную магию не покупились!

– Замок немножко заедает, – прокомментировал Кроули, когда я сунула ключ в замочную скважину. – Вы сначала вытащите его, а потом снова вставьте и открывайте.

– Смотрю, вы неплохо разбираетесь в моем замке, – сыронизировала я. – Много раз пытались открыть?

– Да разве ж полезет стряпчий в чужую собственность, – нашелся мошенник. – Я проверял целостность вашего, так сказать, наследства.

Чтобы распознать в поверенном дядюшки отменного вралю, особого чутья не требовалось. И упоминать, что просто «рыбак рыбака видит издалека», совершенно не к месту. Мы непохожи. Я никогда не вру. Ладно, изредка. Хорошо! Бывает, что привираю, но того требует творческая профессия. В смысле, бывшая творческая профессия требовала. Сейчас мы с конем временно оказались не при делах.

– И вас не смутило, что в лавку даже вор забраться не может? – заметила я, но тут же оговорила: – Не подумайте, будто я недовольна. Благодарю вас за рвение и преданность делу.

– Тут ручка хлипенькая... – тихонечко выдохнул Кроули.

– Простите, что? – не расслышала я, попыталась повернуть ручку, и она с грохотом выпала из гнезда, заставив меня отпрянуть.

– Слышали поговорку, что ручки на входной двери ломаются на счастье? – нервно хохотнул Стэн.

– Не слышала, – сдержанно отозвалась я. Вандалы! Не могли аккуратнее взламывать?

Отодвинула ручку мыском туфли, сунула палец в дыру и потянула на себя дверь. Жалобно скрипнули ржавые петли. На нас повеяло запахом сырости и старья. Через доски на заколоченных витринах в помещение узкими полосами проникал дневной свет. Мебель, прилавки и шкафы скрывали пыльные простыни.

– Вы первая, госпожа Колфилд, – прокрихтел поверенный, судя по мучительной гримасе, мечтавший куда-нибудь пристроить злосчастливого коня.

– Только после вас, Стэн, – гостеприимно указала я внутрь лавки.

– Вообще-то, Стэн – это имя, – подсказал он, нарочито понизив голос. Мол, мы же с вами не заметим конфуза?

– Знаю, – премило улыбнулась я и приказала: – Входите!

– Ну, хорошо... – смирился он с тем, что вполне мог провалиться со статуэткой сквозь пол. Бронзовый скакун от падения шею точно не свернет, а вот Кроули... как светлый бог на душу положит. Я же намеревалась схитрить и держать между нами дистанцию в пару ярдов, чтобы не оказаться там же. В смысле, под полом, а не в объятиях светлого бога.

Первые шаги поверенный делал с большой осторожностью, но когда стало ясно, что пол даже спустя пять лет оставался крепким, осмелел и постучал по доскам каблуком.

– Здесь совершенно безопасно!

Одной рукой он сдернул с прилавка простыню и немедленно закашлялся от закружившегося в воздухе облака пыли.

– Нет! Не ставьте его! – выкрикнула я, когда поверенный попытался пристроить коня рядом со старой кассой.

– Если я поставлю, он испортится? – с мучением спросил Кроули.

– Если заберутся воры, пока мы будем осматривать лавку, его непременно украдут.

– Бронзового коня? – с сомнением уточнил он.

– Стэн, в ваших руках самое дорогое, что у меня есть!

Стуча каблуками, я направилась в соседнее помещение.

– Это кухня, – объявил поверенный, следуя за мной по пятам.

Кухня оказалась просторной, с большим старомодным очагом в центре.

– В доме имеется водопровод, – для чего-то пояснил Стэн, когда я подошла к квадратной глубокой раковине с потемневшим дном. Крутанула вентиль. К моему удивлению, трубы загудели. Кран пару раз выплюнул ржавые брызги, а дальше потекла чистая и прозрачная вода.

Задняя дверь из кухни вела в запущенный сад, чуть тронутый осенним увяданием. Беседку густо опутывали покрасневшие от холодных ночей побеги хмеля. Разрослись и одичали кусты роз.

– Поднимемся на второй этаж? – предложил поверенный.

– Поднимемся, – согласилась я.

Не знаю, по какой причине, но он вел себя как навязчивый торговец недвижимостью. Точно боялся, что лавка с торговым залом, кухней и старым садом столичной штучке решительно не понравится и капризная клиентка даст деру в Кингсбург. На омнибусе, идущем через неделю.

На втором этаже располагались две спальни, разделенные чуланом, который на поверку оказался переделанным в банную. Я заглянула в одну из комнатенок. В ней был камин с кованой решеткой, стояли высокая кровать, громоздкий шкаф и круглая тумба. На полу лежал полосатый самодельный коврик. Воздух пах тяжелой старостью, как на чердаке, забитом рухлядью.

– Отличная спальня! И просторная! – просиял Стэн. Подвинул меня в дверях и притко, видимо, из последних сил подскочив к тумбе, водрузил на нее коня. – Сейчас впустим свежий воздух!

Он заторопился открыть окно: загремел рамами, толкнул ставни... и они с грохотом выпали в сад. В комнату заструился сладковатый запах подгнившей яблочной падалицы. Я оторопела от очередной потери, а Стэн глубокомысленно высказался:

– Ой... Ну надо же! Какой конфузец...

– И не говорите.

– Зато! – просиял он. – Смотрите, какая здесь отличная кровать!

Переведя взгляд на кровать, я постаралась отогнать мысль о том, что, скорее всего, с нее дядюшка Ходжес и отбыл на тот свет.

Не знаю, из каких соображений поверенный уселся на неприкрытую перину и начал подпрыгивать, но ножки у кроватного остова натужно заскрипели, изголовье забилося о хлипкую стену. Кто со стороны увидит или услышит, точно подумает какую-нибудь пошлость. Или, может, я была слишком испорчена и развращена столичными нравами?

– Жесткая! – со знанием дела объявил Стэн.

Пол под моими ногами ходил ходуном, лавка тряслась. Казалось, что на первом этаже что-то подозрительно звенело. Надеюсь, не стеклянный светильник на потолке.

– Отлично для спины! – не успокаивался Кроули, из торговца недвижимостью превращаясь в торговца антиквариатом.

Следом раздался грозный треск, точно дом огрызнулся на невнятную постельную акробатику. Замерев, поверенный недоуменно моргнул. Секундой позже с ужасающим грохотом под тумбой с конем провалился пол. Достижение моей жизни ухнуло на первый этаж! Тишина, последовавшая за крушением, была гробовой. Потеряв дар речи, мы глянули в сквозную дыру. Разломанная тумба и конь, головой воткнувшийся в деревянный пол, валялись посреди торгового зала.

– Я помогу внести сундуки, – тихо вымолвил Кроули, боясь встретиться со мной глазами.

– Было бы неплохо, – отозвалась я в ответ.

Когда вещи с горем пополам были затащены в лавку, едва держась на ногах от усталости, мы уселись на крышку дорожного сундука. Поверенный выудил из кармана пальто смятый замызганный платок, обтер взмокший лоб и обвел торговый зал рукой:

– Не надрывайтесь с уборкой. Завтра у вас тут все уберут подчистую.

– Тогда уж и плотника со стекольщиком пришлите, – попросила я, стараясь восстановить дыхание, и снова задрала голову, разглядывая дыру в потолке.

Достижение всей моей жизни оказалось таким тяжелым, что абсолютно все в этой самой жизни крушило. Даже унаследованную лавку.

Конь вскружил мне голову! В смысле, не он сам, конечно. Что может быть хорошего в бронзовой фигуре, проламывающей пол? А то, что он олицетворял в мире газетчиков: награду «Самое бойкое перо королевства». Когда я поступала на творческий факультет, то знала наверняка: в лепешку разобьюсь, но знак отличия получу! Когда рисковала головой в погоне за скандалами, то чувствовала: уже совсем близко. И получила по всем статьям... за статью. В ней и слов-то толком не было, практически один заголовок, но какой! Вершина моей карьеры! «Балерина для наследного принца...»

Могла ли я тогда предположить, что наборщица в типографии сделает роковую ошибку, а балерина неожиданно поменяет пол и превратится в балеруна? Знала ли, что именно в то утро наследный принц, прочитав статью, подавится булочкой и чуть не помрет посреди ресторации? Тонуть с бронзовым конем оказалось куда быстрее, чем в одиночку. Только выпустить его из рук, уходя на дно, было уже невозможно...

Из мрачных раздумий меня вывел подозрительный шум на первом этаже. Снизу неслись голоса и грохот, словно кто-то двигал мебель. Я решила, что наконец-то пожаловали обещанные Стэном Кроули уборщики, но вдруг один из нанятых рабочих выкрикнул:

– К двери его! К двери!

Ванна в банной комнате была сидячей, свернуться в ней пришлось бубликом, а когда тело затекло, то и вытянуть ноги на бортики. Поспешно я выскочила из ванны, полной пахнущих ванилью пузырьков, и чуть не клюнула носом в ледяной пол. Быстро натянула халат, обула домашние туфли. Не чувствуя под собой ног, слетела в торговый зал и обнаружила удивительную картину. С мебели были сорваны простыни, в воздухе кружилась пыль. Двое грузчиков пытались вытащить на улицу прилавок, повернув тяжелую машину бочком, чтобы прошла во входную дверь, а третий в обнимку с бронзовой наградой занял очередь на улицу.

– Куда ты поволок моего коня?! – завопила я так, что, была бы оперной певицей, сорвала бы овации восхищенного зрительного зала.

– Мать моя женщина! – воскликнул вор, едва не выпустив из рук статуэтку.

– Я не твоя мать, а Александра Генриетта Колфилд – хозяйка этой чудной лавки! Была бы вашей матерью, вы бы трое сейчас под стол пешком ходили, а не тырили чужие вещи!

– Призрак! – взвизгнул он.

– Это вы у меня призраками чайной лавки станете, в мучениях умершими! – рывкнула я и бросилась на спасенье статуэтки. – Отдай коня, ворюга, сохрани нос на будущее! Хук справа у меня поставлен!

Проверять правдивость угрозы обомлевший грабитель, видимо, побоялся, отдал награду без боя. Конь был по-прежнему тяжел, но я оказалась настолько возмущена, что не чувствовала внушительного веса. Беснующаяся хозяйка в халате, сыпавшая газетными заголовками, произвела на грабителей самое хорошее впечатление. В смысле, они затрепетали.

– А вы двое! – прикрикнула я и, заглотив пыли, звонко чихнула. – Руки прочь от моего прилавка! Немедленно поставьте!

– На место? – испуганно спросил один из них.

– На пол! – Голос вдруг меня подвел, пришлось кашлянуть, а только потом потребовать ответа: – Почему вы мою мебель выносите?

– Нас Кроули прислал, – растерянно переглянулись носильщики, и я несколько поутихла, начиная чувствовать себя дурочкой.

– Что за уборка странная? Чтобы помыть полы, не надо обчищать дом до остова.

– Господин поверенный велел всю мебель вынести, а потом разбирать начать.

– Что разбирать? – не поняла я.

– Так старую лавку Ходжеса разбирать, – подсказал тот, кто пытался стащить бронзового коня. – Мы же адресом не ошиблись?

– Не ошиблись, – согласилась я. – Только зачем вам мое наследство разбирать?

– Кроули сказал: за долги.

– У меня есть конь и никаких долгов! – возмутилась я из-за наглого поклепа на честную, законопослушную королевскую подданную. И три привода в стражий участок за проникновение в особняки знаменитостей не считаются. Пробралась по делу, то есть из-за хорошей статьи.

– Знаете, дамочка, – вдруг совершенно алогично разозлился один из мужчин, заявивший, что собирается превратить мою лавку в кучку старых дощечек и щербатых камней. – Разбирайтесь с Кроули сами, а потом уже нас вызывайте!

– Я уж с ним разберусь! – мстительно процедила я сквозь зубы, готовая не только хуком справа, но и конем слева доказывать свою правоту.

Никогда в жизни не одевалась быстрее! Вытащила из сундука измятый синий плащ в белый горох, на голые ноги натянула туфли на высоком каблуке, не сразу сообразив, отчего обувка надеваться решительно отказывалась. Проход перегораживал прилавок. Когда протискивалась к двери, на ум пришла досадная мысль, что стоило приказать поставить машину на место, а не на пол. Как теперь ее двигать?

Накануне мошенник Кроули оставил личную карточку с адресом, написанным витиеватым почерком. Особо было подчеркнуто, что клиентам следовало идти в центр города, к мэрии. Здание, где располагалась контора, стояло в разбитом конскими копытами переулке и выглядело порядком обшарпанным. Даже здесь обдурил мошенник!

Кабинет оказался пыльной каморкой и в общем соответствовал хозяину. Наплевав на испуганного помощника, пинком я открыла дверь и замерла на пороге, буравя поверенного злобным взглядом.

– Алекса... – промычал Кроули.

– Для вас, отвратительный человек, госпожа Колфилд! – рявкнула я. Мошенник щелкнул челюстью и, судя по болезненно скривившейся бледной физиономии, прикусил до крови язык.

– Я хотел сказать, вы... – Он постучал себе по лбу, намекая, что я круглая дура.

– Вы меня еще и оскорблять вздумали? – с угрозой в голосе вкрадчиво переспросила я.

– Да нет! У вас на голове... – Кроули выразительно скосил глаза на мою шевелюру.

– Удивлены, что у меня есть волосы? – проворчала я, но руки между тем подняла и немедленно нащупала мягкую пышную шапочку для купаний с бантиками на сборке. Проклятие! Я бежала через весь город в розовом купальном чепчике, и ни один хороший человек – а встретилось мне их, сволочей, немало – не намекнул, что на голове пестреет нечто несурзное! Быстро сдернула шапочку, смяла в кулаке и засунула в карман.

– Присядете? – Кроули указал мне на стул.

– Не сомневайтесь, – отозвалась я, и от моей тяжести ножки подозрительно зашатались, а спинка закрипела. – А теперь объяснитесь! Ко мне в лавку вломились рабочие и принялись обчищать торговый зал! Попытались вытащить мебель и даже посягнули на святое: на бронзового коня! Сказали, что у меня долги! И как это понимать?

– А что же тут непонятного? – с фальшивым недоумением развел руками Кроули.

– Да, собственно, все непонятно!

– Пять лет назад ваш дядька заложил землю под лавкой. По договору, если долг не закрыть через пять лет, земля перейдет в собственность кредитора. Пять лет прошло... Вот посмотрите бумаги.

Передо мной легла тонкая коричневая папочка с красными ленточками, завязанными аккуратным бантиком. Кажется, у Кроули только бантики в конторе и были аккуратными.

– Вообще-то, пять лет назад мой дядька умер, – заметила я. – Вас удивит, но мертвецы не способны отдавать долги.

– Конечно, – как злобный крокодил, готовый слопать маленькую птичку, улыбнулся Кроули и с видом победителя откинулся на стуле (хоть бы, что ли, упал), – но в нашем королевстве долги переходят к наследникам. Так почему же вы, госпожа Колфилд, не внесли ни одного платежа?

– Может, потому, что узнала о лавке неделю назад из вашего письма? – сухо уточнила я. – Что же вам помешало написать мне сразу после смерти дядюшки?

– Я искал вас долгие пять лет, – не моргнув глазом, соврал мошенник.

– И сколько вам обещали заплатить, чтобы вы пять лет искали человека, который никуда не терялся?

Он кашлянул в кулак.

– Видимо, неплохо, – изогнула я бровь. – К счастью, лавка все еще моя.

– Вот и забирайте собственность, но землю освободите.

– Говоря «забирайте», что вы имеете в виду? По дощечкам?

– Не думаю, что вы сможете перевезти лавку в другое место цельным домом...

Выходило, что без хозяина отобрать землю они не могли, дотянули до означенного срока, а стоило наследнице появиться, как тут же принялись выселять! Никогда в жизни меня так ловко не обманывали! Лавка, конечно, была не фонтан, а ночью я замерзла как собака. Поле-

ньев для камина не нашла, из разбитого окна в соседней комнате, пусть и заткнутого подушкой, сквозило, но к развалине я все равно прикипела душой. Да и идти мне было некуда. Оставалось сыграть на пафосе.

– Я ослаблю вас на все королевство! – спокойно пригрозила. – Вы не понимаете, с кем связались? Меня знают во всех газетных листах столицы! Я не оставлю от вас ни косточки!

– Насколько мне известно, госпожа Колфилд, это от вас не оставили ни одной косточки. Пережевали и выплюнули. Иначе почему бы вы приехали в глухую провинцию? Так что вряд ли вы сможете меня ослабить, разве что народ насмешить.

Он был прав. От осознания полного бессилия я вдруг почувствовала, как к глазам подступили злые слезы.

– Дайте мне сюда договор, – сердито пробормотала я, придвигая папочку. Бумаги были написаны аккуратным секретарским почерком. Судя по дате, с завтрашнего дня земля под чайной лавкой Ходжеса переходила к некому Роберту Э. Палмеру. Сумма залога была немаленькая, полторы тысячи золотых, но возможность расплатиться за пару лет я уж нашла бы.

– Господин Палмер был бы согласен пойти на уступку и отсрочить выплату, если бы к нему пришла хотя бы пара пенсов, но в течение пяти лет – ни пенни, – прооохал Кроули.

– Естественно, – процедила я, и тут в голову пришла простая мысль: – Говорите пару пенсов за отсрочку?

– Так и есть.

– И он не забрал бы свое обещание обратно?

– Никогда! Господин Палмер – человек чести.

– Такой же, как и вы? – иронично уточнила я, а когда поверенный нервно подергал узел галстука, пояснила: – Знаете поговорку «Рыбак рыбака видит издалека»?

– Впервые слышу.

– Жаль. Будьте добры, дайте мне лист бумаги. Хочу написать вашему человеку чести.

– Не думаю, что он смягчится...

– Да нет, – перебила я и, вытащив из ридикюля кожаный кошелек, достала золотую монету. – Договор истекает только завтра. Вы сами сказали «пару пенсов». Я отправлю ему целый золотой в счет долга.

У Кроули вытянулось лицо, а вид сделался ужасно обиженным. Похоже, мошенника впервые обвели вокруг пальца. И кто? Столичная штучка! Просто те, кто считал аферистами поверенных, никогда не сталкивались с газетчиками, получившими награду «Самое бойкое перо королевства». У нас не только самописные перья бойко скрипели, но и голова неплохо работала.

– К слову, расписку тоже дайте, – потребовала я. – Во избежание недоразумений.

Говорят, что краткость – сестра таланта. В письме я была кратка до неприличия. Написала: «В счет долга», поставила дату, подписалась, сунула в конверт золотую монету и скрепила личной печатью.

– Всего хорошего, господин Кроули, – улыбнулась я. – А бумаги я заберу с собой. Для изучения.

Едва не подпрыгивая от радости, что сумела обставить прощелыгу и выгадать время, я вышла из душного и пыльного кабинета.

Вызов был брошен! Меня ждала огромная работа! Я собиралась восстановить старую чайную лавку.

Вернувшись, первым делом попыталась оттащить от двери прилавков – бесполезно. Перевернутая громадина не сдвинулась ни на дюйм. Оставалось смириться с тем, что в ближайшее время мне предстояло просачиваться к выходу, как юркой змейке. Переодевшись в домашнее

платье, я вооружилась блокнотом с самописным пером и пустилась на ознакомительную экскурсию по унаследованным владениям. Правда, начала записывать с собственной спальни.

– Заделать дыру в полу и вернуть окно, – четко продиктовала перу. Похожее на волшебную палочку с острым жалом, оно запорхало по страничке висевшего в воздухе блокнота.

Осмотр растянулся. Я проверила кухню и холодильную кладовую с затянутыми паутиной полками. Помещение, где дядюшка хранил товар, было заставлено жестяными и стеклянными банками с разнообразными сортами чая. В деревянных ящичках лежали полуистлевшие шарики из чайных листьев. Видимо, какой-то сорт заварки из восточных королевств. Казалось бы, вон сколько товара! Открывай лавку и продавай. Да только за пять лет все испортилось. Вчера попыталась вскипятить чайку в медном ковшике, а напиток отдавал перегнившей соломой. От одного воспоминания о чудовищном вкусе меня передергивало.

– Выбросить чай, – приговорила я все запасы, и перо с готовностью внесло пометку в блокнот. Заполненная страничка сама собой перевернулась.

Хотела забраться в погреб, но огарок последнего светового камня, привезенного с вещами из столицы, потух ночью, а свечей в лавке не нашлось.

– Купить световые камни, – вслух рассудила я, пополняя список покупок, а потом вспомнила, сколько стоит магическое освещение, и быстро исправилась: – Вычеркнуть. Купить свечи.

В животе вдруг печально заурчало. Последний раз я ела поздним вечером. Вернее, жевала хлеб с твердым сыром, купленным на перевалочной станции по дороге в Питерборо.

– Купить еды.

Пусть меня охватывал азарт и руки чесались доказать всему миру, что Алекса Колфилд способна свернуть горы, если захочет, но война войной, а обедать организм желал по расписанию. Моментально вспомнилась маленькая кофейня в Кингсбурге, стоящая на пересечении двух улочек. Ах, какие там подавали пончики с черничным вареньем! Даже слюна набежала!

– Не думать о еде! Как раз похудеешь... или скопытишься, – добавила после паузы, и перо шустро застрочило по странице. – Нет-нет! Этого писать не надо!

Магическая штучковина законспектировала и эту фразу.

– Скотское... О божечки! Вычеркнуть, я сказала!

Когда список был готов, умаянная я уселась за кухонный стол, чтобы подсчитать все имеющиеся средства. Получилось, что в королевском монетном дворе на счету лежало двести сорок золотых, девять осталось в кошельке. Не бог весть какие богатства, но на скромный ремонт и небольшую закупку товара должно было хватить.

Вдруг вспомнилось, как я широким жестом, исключительно чтобы подразнить мошенника поверенного, вложила в конверт родименькую монету, и горло перехватило от досады. Сказал же: пара пенсов, чего было рисоваться? Во всем виноват мой паршивый характер! Ради желания кого-нибудь уесть или под действием момента, я совершала разорительную глупость, а потом кусала локти.

Мысленно посокрушавшись, разделила накопления. Немного оставила на жизнь. Поколебалась и пару золотых из счета за ремонт вычеркнула. Мама, пусть ей сладко спится в объятиях светлого бога, всегда говорила, что девушка должна иметь деньги на черный день. Хотя, конечно, мой черный день обычно становился тем днем, когда в витринах модных лавок появлялись новые модели туфель или ушлые торговцы выкладывали на прилавки блестящие самописные перья с разноцветными камушками. Тогда заначка вытаскивалась из потайного кармашка, а я становилась обладательницей ненужных вещей.

За перо, между прочим, ужасно неудобное, денег до сих пор жаль. Удерживать его в воздухе было кошмаром репортера, писало оно плохо, пропуская целые фразы, а стекляшки вывалились уже на второй день. В общем, сплошное разочарование. Хуже только синий плащ в горох – мялся как проклятый. Чем я думала, когда его покупала? Или ярко-красные туфли на

высоченной шпильке, в которых я сегодня пошаркала к поверенному? Честное слово, не переломала ног только из вредности, чтобы не доставить удовольствия главному аферисту Питерборо!

Прихватив с собой список, я обулась в удобные ботинки без каблуков, натянула плащ (раз уж купила, так надо носить) и направилась в лавку «Тысяча мелочей», стоящую в самом начале торговой улицы. В витрине красовались начищенные медные чайники, пузатые котелки, кувшины и ребристая доска для стирки. Магазинчик встретил меня запахом щипавшего нос хозяйственного щелока и воска для полировки мебели. На полках выстроились рядками кухонная утварь, флаконы с мыльными растворами, разноцветные свечи в стеклянных шарах и много прочей хозяйственной ерунды. В торговом зале не было ни души. Пустовал огромный прилавок с древней кассой. Дверь в подсобное помещение была открыта, но внутри царила темнота.

– Есть кто-нибудь? – позвала я, вытянув шею в надежде усмотреть продавца, но ответом мне была тишина. – Ладно, подождем...

На стене светился магический знак в виде весов с двумя чашами. С любопытством я дотронулась до рисунка, а он вдруг мигнул и показал дату. Видимо, день, месяц и год открытия.

– Чем могу быть полезен? – прозвучало в тишине.

Я моментально отдернула руку от стены и оглянулась. За прилавком стоял высокий, широкоплечий шатен, гладковыбритый, холеный и подтянутый, мечта любой институтки. Почему-то меня ужасно удивило встретить в обычной лавке мелочей одного из тех красавчиков, которые посещали столичные мужские клубы и разбивали сердца невинным девицам.

– Дайте угадаю. – Он широко улыбнулся, блеснув идеально ровными белыми зубами, и бесцеремонно указал в меня пальцем: – Алекса Колфилд, племянница покойного Ходжеса и новая владелица чайной лавки.

Видимо, у меня так выразительно вытянулось лицо, что парень развел руками:

– Нет, мы незнакомы, но в нашем городе слухи разносятся со скоростью черной плесени. Вы об этом подумали?

На широкую искреннюю улыбку отозвалась бы даже монашка.

– Вообще-то, я подумала о скверне в осажденном замке, – парировала я. – Вы здесь работаете?

– К моему огромному сожалению, отец решил, что я лучше всех подхожу на роль торговца домашней утварью и оставил лавку мне в наследство. – Он протянул руку над прилавком. – Фред Оутис.

– Мое имя вы уже знаете, – охотно ответила я на рукопожатие, но к собственному неудовольствию обнаружила, что ладонь у Фреда Оутиса была влажной и холодной. – Надеюсь, что у вас крыша не течет и пол не проваливается.

– Моя крыша в полном порядке, – пошутил он. – Спорим, вы собираетесь делать ремонт?

– Судя по тому, что решение было принято целых три часа назад, это уже не секрет для всего города. Я даже составила список.

– Покажете?

Блокнотик с моими каракулями, честно выведенными самописным пером, перекочевал к Фреду. Он подвесил записи в воздухе, словно приколотил к стене, уперся ладонями в прилавок и забубнил:

– Заделать дыру в спальне, купить лак для пола, гвозди... – Глаза бегали по строчкам. – Не думать о еде... Скотск...

– О светлый божечка! – догадалась я, что хозяин лавки читал законспектированные по ошибке фразы, и попыталась схватить блокнот, но тот точно намертво завис в воздухе.

Ух ты! А новый знакомый оказался сильным магом! У меня самой магические способности были выше среднего, но развивать их не было надобности. У газетчиков больше ценились ясная голова и острый ум. Я даже отказалась от общего магического курса в пользу допол-

нительных творческих часов и ограничилась бытовым колдовством, но Фред Оутис, похоже, получил полное магическое образование.

– Простите, – улыбнулся он и вернул записи. – Что ж, Алекса Колфилд, могу сказать, что вы завернули в правильную торговую лавку.

– Вы мне сможете продать плотника, грузчика и гвозди?

– Нет. – Он блеснул улыбкой. – Но за парочку купленных ароматических свечей я с удовольствием расскажу, где вы сможете за небольшие деньги найти и материалы, и даже плотника. Идет?

– В список еще входит стекольщик.

– Найдем как нечего делать.

Некоторое время мы с хитрецей разглядывали друг друга. Глаза у Фреда Оутиса тоже оказались замечательные, серые с едва заметными карими крапинками.

– Мне ежевичные и лавандовые свечи, – деловито указала я на разноцветные баночки, – а еще шарики для ванны.

Фред, родившийся в Питерборо и знавший каждую, простите, дворнягу, доходчиво объяснил, куда податься лавочнице, чтобы недорого купить доски, лак, магические затирки от жука-короеда и прочие непонятные штуки, названия которых звучали почти как ругательства. Подсказал, где нанять грузчиков и найти плотника со стекольщиком. Я внимательно слушала, стараясь ничего не упустить, а самописное перо натужно скрипело по странице блокнота.

– И последнее, – наконец объявил новый знакомый, – не забудьте оформить разрешение на торговлю.

– Какое еще разрешение?

Мужчина кивнул мне за спину. Я оглянулась, упершись взглядом в светящиеся весы. Очевидно, дата была вовсе не днем открытия лавки, а датой получения разрешительной грамоты.

– Разрешение в торговой гильдии. Когда лавка будет отремонтирована, надо заполнить бумаги.

– Записала! – проследила я за тем, как перо поставило последнюю точку. – Спасибо, Фред.

– Не за что. – Он подвинул сложенные в бумажный пакет покупки: – Держи.

– Сколько с меня? – спохватилась я, сделав вид, что совершенно не покороблена панибратским «ты», будто мы были старинными друзьями.

– Приветственный подарок.

– Зачем?

Щедрость плохо знакомых людей меня всегда настораживала. Обычно, получив малость, потом отдаешь в три раза больше.

– Ты, Алекса Колфилд, никогда не жила в маленьком городке, поэтому не в курсе, но у нас принято друг другу помогать.

– Раз так... – неохотно приняла я пакет, не представляя, как отказаться от дара после столь пламенной тирады. – В таком случае, как только открою лавку, пришлю чай. Какой вы... ты... предпочитаешь?

– Любой, если только его заваривает красивая хозяйка чайной лавки.

И почему же Фред Оутис, несмотря на дурацкое имя, глупую фамилию и холодные, влажные ладони, был таким милым?

– Тогда до встречи, Фред. – Я направились к двери. – Заходи на чай. Только не сегодня.

– Почему? – окликнул он из-за прилавка.

– В моей лавке заколочены окна, чай просрочен, а входную дверь перегораживает прилавок.

– Звучит заманчиво.

– Заманчиво ровно до того момента, пока не увидишь это безобразие собственными глазами, – фыркнула я и, толкнув входную дверь, буквально вывалилась на улицу.

Сначала направилась в одну сторону, потом опомнилась, резко развернулась и пошла в противоположную. Похоже, после встречи с сексапильным лавочником вид у меня был столь ошарашенный, что две лицеистки, ставшие свидетельницами метаний, залились ехидным хихиканьем. А может, они просто знали, какой одуряющий эффект производил сероглазый хозяин лавки «Тысяча мелочей» на особ женского пола, случайно подпавших под его обаяние.

Правда, не успела я сделать и нескольких шагов, как Фред меня снова окликнул, заставив оглянуться:

– Алекса, подожди!

Он подошел и протянул сложенный вчетверо листок.

– Когда будешь заказывать материалы, то скажи, что тебя прислал Оутис-младший и просил передать вот это.

– И что там?

– Посмотри, – улыбнулся он, снова продемонстрировав ряд белых зубов.

Я развернула записку и прочитала крупные печатные литеры: «Не обманывать!»

– Спасибо, Фред Оутис, – с иронией махнула я «грозным письмом». – Уверена, что теперь меня точно никто не попытается обмануть.

Но записку все равно сунула невысокому торговцу дядюшке Биллу, похожему на надутый воздушный шар. К вечеру мне доставили материалы, банки с морилкой и лаком, а те же грузчики, что утром выносили мебель, за пару пенсов помогли вернуть на место многострадальный прилавок. Уже затемно пришел стекольщик, и в спальню вернулось окно.

Спать я легла с чувством глубокого удовлетворения, подкрепившись чудесной грудинкой, свежим хлебом и кипятком вместо чая. Для полного счастья оставалось дожидаться плотника, купить еды и подумать о том, где найти мастера, способного вдохнуть жизнь в холодильную кладовую, за пять лет превратившуюся в обыкновенный чулан.

Ничто не бодрит с утра так, как прорвавшиеся на кухне трубы! В ожидании, когда до лавки наконец доберется плотник и сдерет с заколоченных витрин доски, я принялась разбираться с товаром в чулане. Освободила все емкости, вытерла полки, а потом надумала перемыть банки, чтобы ни один посторонний запах не испортил аромат свежего чая, но едва открутила кран, как услышала подозрительное шипение. Заглянула под раковину, где стояла посуда с высохшей мыльной пастой. Из трубы в разные стороны разбрызгивал капли тоненький, но настойчивый водяной лучик. Прикрыла его пальцем. Сверкнула голубоватая вспышка, и на месте невидимой трещинки появилась ледяная заплаточка...

Секундой позже мне в лицо, словно в отместку, ударил сильный поток. От неожиданности я захлебнулась, охнула и плюхнулась на пятую точку. С лица и волос стекало. Подскочив как ошпаренная, я закрутила кран. Ведь обычно вода прекращала течь, если кран закрыть! Однако, к моему огромному удивлению, радостный и самоуверенный фонтан продолжал бить, и по каменному полу потекли ручейки.

Искаленную трубу надо было срочно чем-нибудь заткнуть! Схватила с кухонного прилавка полотенце и припечатала к излому. Струя утихомирилась, но ткань мгновенно намокла.

– Да что с тобой делать-то? – цедила я, пока с локтей стекала вода. Хорошо, что у меня соображала голова! Одной рукой стянула с головы шарфик и осторожно, словно при перевязке раненого, начала прибинтовывать шифоновой полоской к трубе полотенце – но не успела. Проржавелый кусок выпал мне в руки, и из темного круглого зева пальнула злобная струя.

– Проклятый светлый бог! – рывкнула я.

Скомкала полотенце и сунула в трубный зев. Туда же запихнула шарфик. Схватила из ведра половую тряпку и впечатала в распахнутую пасть водопровода.

– Подушка! – сверкнула новая гениальная мысль.

Я вскочила, бросилась в торговый зал к сундуку с мелочами, привезенными из столицы. Теми самыми, дорогими девичьему сердцу, что не позволяла выбросить жадность, потому как куплены эти мелочи были в помутнении рассудка за баснословные деньги. Никогда не поверю, будто у других девушек моего возраста нет таких тайных вещичек! Правда, готова признать, что не каждая кокетка перевозит их сундуками.

Посреди зала, как ни странно, стояли двое мужчин и в растерянности оглядывали разруху. Один плечистый, второй – даже не худой, а изящный. Не был бы коротко подстрижен, решила бы, что он высокая девушка.

– Госпожа... – попытался обратиться ко мне тот, что был потоньше.

– Плотники? – выкрикнула я, галопом прогарцевав мимо долгожданных рабочих. – Быстрее! Хватайте подушки! Пошли плотину строить, пока озеро не натекло!

– А?! – обрадовались они возможности искупаться в ледяной воде из прохудившейся трубы.

Нырнув в сундук, я вытащила плюшевую белую подушечку с вышитой кошачьей мордочкой и победоносно пробормотала:

– Хотя здесь ты пригодишься.

Хорошо, что не выкинула. Вот чем бы мне сейчас трубу затыкать? Совершенно было бы нечем!

Не теряя времени, я проскакала мимо рабочих обратно на смертный бой с водопроводом. Как ни странно, плотники потянулись следом, а на кухне нас ждал сюрприз. Злобная труба выплюнула кляп, и струя воды сбила банку с засохшей мыльной пастой. Посудина раскололась. На пол вываливались клубы голубоватой пены, грозившей заполнить кухню.

– Что случилось с вашей раковиной? – изумился плотник.

– Ее тошнит голубыми пузырьками... – ошарашенно пробормотала я и, будучи не в состоянии оторвать зачарованного взгляда от удивительной картины, сунула работнику подушку. – Вы же плотник, заткните ей пасть.

– Раковине?

– Да трубе же!

– Так у вас трубы прорвало?! – охнул он и, всучив мне подушечку обратно, процедил: – Дамочка, держите свою игольницу.

– Это игольница? – другими глазами посмотрела я на кошачью мордочку.

– Но господин... – попытался заикнуться подмастерье, когда хозяин сдернул пиджак и, закатывая рукава рубашки, с решительным видом направился к месту пенного извержения.

Вообще, если бы не вселенский потоп, то я оценила бы рабочее рвение, ведь редкий плотник, думаю, приходил к заказчику в белой сорочке с запонками. Хотя, может, он просто был паршивым мастером, а отсутствие навыков пытался компенсировать хорошим впечатлением.

– Не стони, а перекрой воду! – приказал он ученику.

– Господин плотник, но я уже перекрыла, – уверила я.

– Где? – развел он руками, намекая на растущие, как на дрожжах, вернее на воде, пенные сугробы.

– Кран закрутила!

– Ох, помолчите уж, – пробормотал подмастерье, бросаясь в сад. Мог бы сам промолчать, ведь под убийственным взглядом плотника слова и без всяких советов сами собой неожиданно иссякли.

Захлопала хлипкая задняя дверь, в кухню повеяло холодным осенним утром. Работник развел пену руками, залез под раковину и прикрыл извергающую воду трубу половой тряпкой (надо же, хоть что-то я сделала правильно). Тут из сада донесся голос помощника:

– Вентиль нашел!

– Закрывай!

И что-то пошло не по плану. Вообще не по плану. Струя не иссякла, а хлынула из трубы с такой мощностью, что мастер моментально вымок до пояса и чуть не захлебнулся. Случись подобная нелепость, и старая чайная лавка Ходжеса стала бы знаменита на весь Питерборо не только новой хозяйкой, но и первым в мире утоплением в кухне...

Никогда в жизни не слышала, чтобы плотники так громко и цветисто матерились. Он даже заткнул бы за пояс дуэт из сапожника и портового грузчика.

– Простите! – послышалось снаружи, и поток воды стал убывать.

– Стойте-ка! – тут дошло до меня. – Так у меня на ночь ни ванны, ни кипятка не будет?

– Зачем вам ванна? – хмуро буркнул мастер, выбираясь из-под раковины. – У вас тут целая купальня.

– Но я предпочитаю воду теплую, а пузыри клубничные, – для чего-то проворчала я, начиная осознавать, что теперь в лавке не только пол проломлен, но еще и куса трубы не хватает. Интересно, где найти жестянщика?

Неожиданно я обнаружила, что таращусь на мужской торс, гладкий, крепкий и покрытый от холода мурашками.

– Послушайте, господин плотник, а вы трубы чинить умеете? – обратилась к замечательному торсу, хотя, конечно, следовало бы поднять взгляд и перестать столь бесстыже пялиться, но нечего было в присутствии дамы разоблачаться.

– Нет, – рывкнул он, выжимая рубашку прямо на пол.

Подмастерье между тем с несчастным видом маячил в окне и боялся зайти обратно в дом. Когда наставник оглянулся через плечо, он вытянулся в струнку, как новобранец перед старшиной.

– Жаль, – вздохнула я. – Вам, может, переодеться дать? У меня есть широкий... халат.

– Не утруждайтесь, – буркнул он, даже не подумав отвернуться, и взмахнул рубашкой в воздухе. В разные стороны разлетелись брызги, и ткань моментально высохла.

С ума сойти! Что за любопытный город Питерборо, если здесь и лавочники, и плотники обладают выдающимися магическими способностями, развитыми совершенно не по ремеслу? Может, в городе открыт филиал Королевской магической академии?

– Слушайте, – с просительными интонациями обратилась я к мастеру, – а вы можете так с моим полом, как со своей рубашкой? Чтобы на карачках с тряпкой не ползать.

Он выгнул бровь. Тут я разглядела, что, помимо торса, мастер и собой был очень даже ничего. Глаза синие, а волосы темные.

– Я заплачу! – тут же уверила я. – Могу натурой.

Плотник поперхнулся.

– В смысле могу вас покормить грудинкой! И напоить... – Произошла неувязка, ведь в чайной лавке не осталось ни воды, ни чая даже пятилетней давности. – Колодезной водой! Вы какую воду предпочитаете? Горячую или холодную?

Бедняга содрогнулся и буркнул:

– Воды с меня точно достаточно.

Он уселся на стул и принялся расшнуровывать кожаные туфли, вероятно желая с вымокшими штанами проделать тот же фокус, что и с рубашкой.

– То есть ползать мне на карачках, – без лишних уточнений поняла я, что магом-уборщицей плотник работать не желает. – А может, пока вы будете мою дыру заделывать, то ваш помощник тут уберется? За десять шиллингов.

– Вашу дыру? – Плотник ошарашенно поднял голову и уставился на меня, как на умащенную.

– В спальне.

У мастера сделалось очень странное лицо.

– Дыра в полу, – пояснила я, помахав вокруг ног руками, чтобы продемонстрировать размер отверстия. – Конь пробил, когда падал со второго этажа на первый.

– А как... – Мужчина откашлялся. – Простите, но как к вам на второй этаж попал конь?

– Поверенный занес.

– На чем?!

– На руках. Он бронзовый.

– Поверенный?

– Конь! – раздражаясь, пояснила я.

Может, он наглотался мыльной пасты, пока трубу перекрывал, а потому не понимает самых очевидных вещей?

– Ладно, вы тут сушитесь, – дала наивысшее соизволение. – Сейчас полотенце для волос принесу.

Пока я искала в комод, в какой из восьми ящиков сложила махровые полотенца, услышала, как снизу донесся голос плотника:

– Это и есть ваша дыра?

Задвинув ящик, я присела и выглянула в пролом, неожиданно встретившись взглядом с задревшим голову мастером.

– Сейчас полотенце принесу, – отчего-то смутилась я.

– Давайте сюда! – протянул он руку.

– Ага. – Я осторожно бросила сложенное вчетверо полотенце в дыру.

– Благодарю, – поймав махровый лоскут, мастер принялся вытирать волосы.

Когда я спустилась на первый этаж, подмастерье уже был помилован и стоял за спиной наставника с видом преданного щенка. Плотник выстукивал ногой по половицам, определяя те, что были подгнившими.

– Здесь все трухлявое.

Он толкнул мыском туфли нижнюю ступеньку лестницы, и дерево нехорошо хрустнуло. Даже страшно сделалось, что лавка от его усердного осмотра сложится, как карточный домик.

– Вы бы полегче, – попросила я.

– Лестницу придется менять...

В голове моментально защелкали воображаемые счеты, намекавшие, что менять лестницу мы не будем.

– Давайте просто ограничимся дырой в потолке.

Тут раздался страшный треск, а следом испуганный вскрик. Мы резко оглянулись. Подмастерье одной ногой провалился в пол и в панике хватался за пустые полки стеллажа.

– Батюшки, я застрял! – проблеял он, вытаращив на нас полные ужаса голубые глаза. Потом принялся осторожно высвобождать ногу из ловушки.

– Эта половица за ваш счет, – немедленно объявила я.

– Договорились, – неожиданно согласился плотник, выказав удивительную сговорчивость. Мне-то казалось, что он должен был бороться за каждый забитый гвоздь и ошкуренный брус.

Мы пожали друг другу руки. Ладонь у нового знакомого неожиданно оказалась совершенно гладкой, хоть и теплой. Никаких шероховатостей или застарелых мозолей, обычных для людей, занимавшихся физическим трудом. По поводу рук у меня была целая теория, и она никогда не подводила. Работяга с руками стряпчего вызвал настороженность.

– К слову, как вас зовут, господин плотник? – как будто между делом уточнила я.

– Этан. – Он даже не улыбнулся, а едва заметно дернул уголками губ.

– А фамилия?

– Просто Этан.

– Что ж, господин Просто Этан... – Я хотела предложить ему начинать махать молотком, но удивилась: – А где же ваши инструменты?

Ведь не кулаком же он собирался забивать гвозди и не голыми пальцами отдираť доски от витрины?

– Сначала решил объем работ посмотреть, о цене сговориться, а потом уже инструмент нести.

– И как вам объем?

– Нормально, – согласился он. – Дыра в потолке вообще выше всяких похвал.

– С дырами у меня точно порядок, – едва слышно вздохнула я. И добавила мысленно: «Особенно в бюджете».

Никогда бы не подумала, как сложно в действительности приходилось хозяевам собственных торговых лавок. То труба лопнет, то пол провалится, то золотые, как мыши, в одну минуту разбегутся из кошелька.

Пока Этан, как я накануне, придирчиво осматривал лавку и критиковал каждый угол моего ветхого, но уже полюбившегося жилья (честное слово, как в душу плевал каждым своим «развалина»), подмастерье притащил инструменты. Они разбирались с досками, а я потихонечку приводила в порядок кухню. Лавка наполнилась визгливым звоном пилы, надрывным грохотом молотка и воплями плотника. Ругался он цветисто и забористо. Не представляю, как ученик с таким наставником не получил тик нижнего века или мелкого дрожания рук. Сама бы я огрела тирана молотком по голове, отсидела двадцать лет в исправительном доме и ни минуты бы не жалела.

Вдруг сверху что-то гроыхнуло. Сидя на каменном полу, я даже голову вжала в плечи. Лавка содрогнулась от очередного вопля:

– Криворукий!..

– Точно конь упал, – вздохнула я, искренне сочувствуя бронзовому приятелю, и продолжила натирать полы.

Потом как-то незаметно подмастерье оказался рядом со мной и принялся старательно отмывать кухонные шкафы от мыльного раствора.

– Имя? – спросила я, не оборачиваясь к парню.

– Ирвин, – буркнул он.

– Как же тебя, дружище Ирвин, угораздило к такой скот... милому человеку в подмастерья пойти?

– Сам удивляюсь, – злобно глянул он в потолок.

– Я все слышу, – вдруг раздалось сверху. Может, еще где дыра в потолке появилась, но уже поближе к кухне? Или Просто Этан обладал нечеловеческим слухом?

Ученик спал с лица и пробормотал:

– Простите, господин... – Он осекся, затравленно покосился на меня и договорил: – Господин плотник!

Вечером, когда кухня засияла чистотой, работы тоже подошли к концу. На темном полу в торговом зале теперь пестрели светлые заплатки новых половиц. Сквозь большие витрины была видна кривоватая торговая улочка, а потолок хоть и оставался обшарпанным, но дыра исчезла. Если еще днем, когда стены лавки сотрясались от матерных воплей, я сомневалась в том, что Этан настоящий плотник, а не столичный кредитор, вдруг решивший размяться с пилой и молотком, то теперь настороженность исчезла. Работал мастер действительно на совесть и заслужил каждый пенни из оговоренной суммы.

– Этот дом требует капитального ремонта, – заметил он, когда я вручила кошель с монетами.

Тоже мне колесо придумал! Будто я не понимала, что однажды могла проснуться на дядькиной кровати, но под завалами.

– Боюсь, что капитальный ремонт мне сейчас не по карману, – сама не знаю отчего, разговаривала я. – Так что оставляйте свой адрес, буду звать заколачивать дыры в потолке.

– С адресом как раз проблема, – признался Этан и вдруг неопределенно кивнул: – Кстати, у вас же одна спальня пустует?

– И что? – уперла я руки в бока, ощутив, что прямо сейчас меня пытаются обмануть. В этом Питерборо сплошные мошенники! Только успевай отбиваться и держи ухо востро!

– Я как раз ищу комнату для постоя. Мы могли бы договориться на взаимовыгодных условиях. Вы пускаете меня пожить на время, а я тихонечко делаю ремонт. Все довольны и счастливы.

– А я? – испугался Ирвин. – А меня-то вы куда денете, господин плотник? Я тоже хочу быть довольным и счастливым!

– А он может спать в торговом зале, – тут же нашелся «добрый» мастер и увесисто похлопал юнца по плечу, удивительно, как у того не подогнулись коленки. – Он вообще неприхотливый малый: ест мало, супы варит, полы драит. Правда, бывает болтливым не в меру...

– Вы мне своего подмастерья продаете, что ли? – скептически поглядывая на парочку, скрестила я руки на груди. – А вы, господин плотник, не промах.

– Не жалуюсь.

Нет, может, мастер он был и хороший, но каков аферист! Палец в рот не клади, всю руку откусит!

– У меня тут чайная лавка, знаете ли, а не бордель, – объявила я.

Мужчина поперхнулся:

– Простите, Алекса, но мне даже страшно уточнять, какие из моих слов навели вас на мысль, будто я решил, что здесь организуется дом терпимости.

– Но именно так подумают местные жители, если я пушу в соседнюю спальню двух половозрелых... – я посмотрела на открывшего рот долгового парня и исправилась: – Пушу одного половозрелого мужчину и одного... кхм... Ирвина в дом. Я же из столицы! В глазах провинциалов, не в обиду вам, местным жителям, сказано, мы или куртизанки, или содержанки.

– Так мы не местные жители! – обрадовался ученик плотника. – Давайте дружить!

– Серьезно? – насторожилась я.

– Серьезнее некуда, наездами только бываем... – под выразительным взглядом Этана он осекся и пробубнил себе под нос: – Пожалуй, подожду вас на улице. В конце концов, не февраль месяц на дворе, ничего не обморожу...

Бодрой рысцей Ирвин сбежал на улицу, окутанную темнотой, только дверь за ним мягко закрылась, и нежно тренькнул привешенный Этаном колокольчик.

– Право слово, вы такая сложная, – хмыкнул плотник. – Можно было просто сказать, что комната для постоя не сдается.

– Комната для постоя не сдается, – согласилась я.

– Тогда до встречи. Поверьте, встречаться в этой лавке мы будем часто... Хотя, извините, соврал. Очень часто.

Натянув пальто и с легкостью подхватив с пола тяжелую люльку с инструментами, он откланялся.

Глава 2

Пилюли от звездной болезни

За суетой с ремонтом, сменой труб и покраской полов я не заметила, как вспыхнула разноцветным колером настоящая осень. В каменной столице, где дни были наполнены погоней за горячими новостями, насладиться пестрым разноцветьем не выходило. В конце сентября открывалась ярмарка невест, и в Кингсбург со всего королевства съезжалась знать, а у репортеров начинался сезон сенсаций. Попробуй упустить громкий скандал, редактор голову снесет! Зато в тихом Питерборо, где жизнь текла медленная и спокойная, как неторопливая река, пейзажей было хоть отбавляй, а от желто-красной пестроты рябило в глазах. И ничегошеньки не происходило. Люди до сих пор обсуждали последнюю крупную новость – мой приезд и с любопытством следили за тем, как преображалась старая лавка Ходжеса.

В записях дядюшки я нашла адрес поставщика из соседнего городка. Отправила письмо с просьбой о встрече и, получив положительный ответ, с утра пораньше села на междугородный омнибус.

Вайтберри повезло больше, чем Питерборо: он стоял на самом берегу Кристал-Уотера. Здесь имелись и набережная, и пирс, и отделения всех известных торговых домов королевства. Правда, я не увидела ни бескрайнего озера, ни пылающих, словно пожар, осенних окрестностей, ни особняков магнатов – вырубилась так, что меня три раза трясло за плечо, когда пришло время выгружаться из экипажа. Зря только ради волшебных видов к окну села и терпела сквозняк.

До встречи, к счастью, оставалось еще много времени. Чтобы явиться к поставщику не заспанной и опухшей, а со здоровым румянцем, я решительно направилась гулять вокруг квартала и, сама того не планируя, отыскала огромный особняк с табличкой, на которой золотыми буквами было выведено: «Торговый дом Роберта Э. Палмера».

Несмотря на то что вокруг толкался народ, все равно остановилась на мостовой как вкопанная, вдруг почувствовав себя шпионом на вражеской территории. Кредитор, судя по всему, столь успешно обманывал доверчивых королевских подданных, что отнюдь не бедствовал. Фасад особняка был обильно украшен лепниной, а карета, стоявшая напротив главного входа, стоила, как вся лавка дядьки Ходжеса вместе с заложенной землей.

Вдруг швейцар с помпой распахнул дверь и выпустил из холла худого хмурого человека с нездоровым цветом лица, одетого в длинное зеленое пальто. За господином выскочил встрепанный и помятый Стэн Кроули. Он же вместо лакея исхитрился открыть мужчине дверцу экипажа.

Теперь я точно знала, как выглядел мой злейший враг. Человек, пытавшийся украсть у меня лавку, был похож на маринованный огурец!

Палмер забрался в салон, что-то буркнул стряпчему, а потом отбыл. Оставшийся на пешеходной мостовой Стэн казался оплеванным. Не в прямом смысле слова, конечно.

– Козел! – вдруг услышала я недовольный возглас, а потом Кроули вдруг показал удалявшейся карете язык.

Слава светлему богу, поверенный меня не заметил на шумной, многолюдной улице, иначе упал бы замертво от стыда. Хотя не понимаю, зачем размениваться на детскую дразнилку? Лучше сразу по-взрослому показать неприличный жест рукой, но у стряпчего, судя по всему, была кишка тонка.

На встречу с поставщиком я чуть было не опоздала. В результате явилась уже не сонная, а растрепанная и распаренная, как будто из Питерборо бежала на своих двоих. Влетела в при-

емную. Не видя ни обстановки, ни секретаря, поднявшегося из-за стола, без спроса плеснула в стакан воды из графина и принялась жадно пить.

– Госпожа Колфилд? – заикнулись мне, но я выставила руку, мол, не прерывайте, если не хотите обнаружить на ворсистом ковре труп девицы в плаще веселенькой расцветки. А когда вода закончилась, то прокаркала страшным голосом:

– Да!

– Вас уже ждут.

Хотела подкрасить губы, но так и не успела. Нацепив на лицо лучшую улыбку, я вошла в кабинет, а уже через два часа обедневшая на сотню золотых, но с подтвержденным заказом направилась к омнибусной станции, чтобы вернуться в Питерборо. Оставалось получить разрешение и дожидаться товара, а потом открывать старую чайную лавку заново.

А дома меня ждал неприятный сюрприз. Вернее, два. Оба обнаружили на полу, притом один сюрприз ел второй сюрприз. Огромная хвостатая крыса с упоением грызла уголок письма, брошенного почтальоном в щель для корреспонденции. Плохим зрением я никогда не страдала и легко разглядела на белом квадратике из плотной бумаги золотой вензель Роберта Палмера.

– Отпустить! – рявкнула я и швырнула в крысу первое, что было под рукой. Вернее, в руках – ридикюлем. Попала точно в цель, но хвостатая воровка не только не выпустила добычу из зубов, так еще вместе с ней припустила под лестницу.

– Только не под лестницу! – вскрикнула я, хотя, справедливости ради, не было никакой разницы, в какую сторону крыса побежит. Письмо большое, вряд ли она сумеет его запихнуть в норку! Однако крыса оказалась упорной. Она забралась в щель под лестницей задом и попыталась втащить послание. Тут-то я и нагнала грабительницу! Плюхнулась на колени и в последнюю секунду выдрала бумажку из пасти.

Но нахалка пошла в наступление! Не знаю, чем уж письмо оказалось привлекательным, может, у почтальона руки были масляными и пахли пирожком с мясом, но крыса выскочила из норы и напала. Отскочив, я схватила с ноги туфлю и швырнула в обнаглевшую тварь. Опасалась, что она на лету подхватит обувь в пасть и сожрет, но крыса моментально пришла в чувство. Просекла, кто в доме хозяйка, собирающаяся сегодня же купить крысиный яд в аптекарской лавке, и смылась подпол.

– Вот тебе, несносное создание! – рявкнула я. – Купить десять унций крысиного яда!

Приказ улетел в пустоту, потому что перо и блокнот лежали в ридикюле, валявшемся на полу. Старые репортерские привычки изживались очень трудно.

Чувствуя себя дурой, я подвесила послание в воздухе и заставила расправиться. Хрустнула красная сургучная печать, лист выпрямился. Как и я, Роберт Палмер считал краткость сестрой таланта. В письме стояла дата – первое января будущего года, и за отсрочку по кредиту я прониклась бы к Маринованному Огурцу уважением, но с долгом произошла сказочная метаморфоза. В смысле, если бы сказка была историей ужасов и цифры оборачивались в чудовищ. Вместо единицы в сумме полторы тысячи золотых оказалась четверка!

– Четыре с половиной тысячи?! – Я не сразу осознала, что возопила вслух. В том, что секретарь Палмера не описался сослепу или на пьяную голову, сомнений не возникло. Из-за неуплаты долг вырос в три раза!

– Чтоб тебе каждую ночь не спалось до пяти утра, а вставать нужно было в полшестого! – прокляла я подлеца и следом обругала дядьку, задрав голову к потолку: – Чем ты думал, когда связывался с этим мошенником? Ты сглупил, а я теперь расхлебываю! У меня вообще изжога от чая! Жить потом не хочется! Чтоб ты знал, мне кофе больше нравится!

Наплевав на принцип краткости, я накатала злобное письмо с такой быстротой, что перо едва успевало летать по листу и оставляло кляксы. В ответе потребовала обосновать каждый начисленный сверх долга пенни. Не позволю себя обмануть ни на одну монету! Тем более

что скопленные деньги таяли, как первый снег в октябре! Противное послание от жадного Маринованного Огурца было заперто в ящике под прилавком.

На следующее утро первым делом я отправилась в мэрию, в здании которой находилась торговая гильдия. День в Питерборо начинался рано. Хотя не было восьми часов, все лавки уже открылись, из булочной пахло свежей выпечкой. В кофейне «Сладкая жизнь» толпились клерки и сидели степенные старики с маленькими чашками бодрящего напитка, а по мостовым лихо грохотали кебы. К слову, в тихом городке экипажи гоняли так, словно и лошадей, и извозчиков кормили пилюлями для резвости.

Торговая гильдия располагалась на первом этаже. Рядом с дверью на стене светились знакомые весы с чашами, и я поняла, что пришла по адресу. Председателя гильдии звали Бернард Осле, и фамилия меня моментально напрягла. Войдя в приемную, где сидела молоденькая помощница, из-за пушистых волос похожая на перезрелый одуванчик, я поздоровалась и с жизнерадостной улыбкой спросила:

– Господин Осел на месте?

Последовала страшная пауза, девица спала с лица.

– В смысле Осле, – исправилась я, удивляясь, как от потрясения у секретаря не снесло высветленные белой краской и торчащие шариком короткие кудряшки. – Я имела в виду господина Осле.

– Председатель сейчас ужасно занят, – пояснила она и указала на стул у стены. – Вам, Алекса, придется подождать.

Если человек, который три года придумывал из мелочи горячие новости, сам превращался в горячую новость, его уже ничего не удивляло. Вот и я даже глазом не моргнула, когда незнакомая девица не только меня узнала в лицо, но еще и по имени назвала.

В шумной, многолюдной столице до Александры Колфилд не было никому никакого дела, по крайней мере, до той злополучной статьи о наследном принце, но в провинциальном городке до меня было дело почти всем. Я никак не могла привыкнуть, что на улице приходилось здороваться почти с каждым встречным, улыбаться или отвечать на вопросы, как продвигается ремонт в дядюшкиной лавке и придет ли тот сорт чая из белых лилий, который он завозил десять лет назад.

Ждать заставили без малого два часа. Вся издергалась! Когда я вошла в кабинет с массивной мебелью, председатель выглядел растрепанным и взъерошенным. Если он не прятал в архивном помещении любовницу, то точно досыпал положенные часы, поджав коленки, на коротком кожаном диванчике.

– Добро пожаловать в гильдию, госпожа Колфилд! – поднялся он из-за стола. – Присаживайтесь.

Бернард Осле оказался вширь и в высоту приблизительно одинаковым, и я немедленно пожалела, что нацепила высокие каблуки. Чтобы не возвышаться над чиновником на добрые полголовы, я плюхнулась на диванчик. Тут меня огорошили новостью:

– По правилам Питерборо, прежде чем выдать разрешение, гильдия должна осмотреть лавку.

– Осмотреть? – не поняла я, живенько представив десять человек, заглядывающих в каждый ящик и угол моего детища.

– Конечно, Алекса, это простая формальность, – улыбнулся председатель, сложив руки на внушительном животе. – Мы же все знаем, какой грандиозный ремонт вы затеяли. Не сомневаюсь, что у вас не возникнет проблем.

Фальшь в его голосе настораживала. Моментально вспомнилась каждая недоделка, оставленная до лучших времен. И вредная крыса вспомнилась. Нахалка не только не пожалела ночью самоубиться крысиным ядом, но и утром неспешно пересекла торговый зал, словно пытаясь доказать, что именно я вторглась в ее владения, а не наоборот.

– И когда же мне ждать вашей простой формальности, господин Осе... Осле? – надеясь, что тот не заметил оговорки, быстро исправилась я. – Мне бы побыстрее.

– Значит, завтра и придем, – приторно улыбнулся председатель, и его глаза исключительно блеснули.

– Тогда до завтра, – приторно улыбаться я тоже умела.

Еще час потратила на то, чтобы заполнить десяток одинаковых форм, и мухой вылетела из приемной. А в людном холле мэрии меня ждало совершенно удивительное зрелище. По широкой лестнице, застеленной исхоженным красным ковром, поднимался Этан в компании подмастерья Ирвина. Парочку, что-то страстно лопоча, сопровождал худенький трясущийся клерк, отчего-то все время указывающий рукой вверх, как будто у визитеров имелась возможность пойти влево или вправо.

Может, в мэрии крыша провалилась или бронзовый конь пробил пол, раз плотника встречали как родного?

Тут на верхнюю площадку из недр коридора выкатилась толпа чиновников. Судя по тому, с каким подобострастием они принялись здороваться с работягой, катастрофа случилась не иначе как в кабинете у самого мэра и только Этан единственный, кто мог вернуть градоправителю на место крышу. Прямо спаситель мира получался. С мальчиком-подмастерьем на подхвате.

От любопытства я даже на цыпочки встала и тут же моментально потеряла равновесие. Хорошо, что рядом кто-то проходил.

– Ой! – вмазалась я носом в мужскую грудь.

– Вот мы и снова встретились, – бережно сжимая мои плечи, белозубо улыбнулся Фред Оутис.

– Здравствуйте, – глубокомысленно поздоровалась я с пуговкой на его куртке и осторожно отодвинулась. Честно говоря, меня охватывал азарт: до мелких бесов хотелось вскарабкаться по лестнице и выяснить, что происходит на втором этаже. Неужели у мэра действительно протекает крыша в прямом смысле этого слова? Репортерские инстинкты наотрез отказывались удушаться. В голове даже сложился заголовок для статьи: «Снесенный чердак мэра!»

– Как дела с разрешением? – не давал мне удовлетворить любопытство Фред, возвращая с небес на землю.

– Чердак!

– Чей? – чуточку удивился мужчина.

Обескураженная тем, что выпалила мысли вслух, я исключительно находчиво моргнула и наконец нашлась:

– Мой! В лавке. Надо ремонтировать, но пока отложила. Завтра разрешение получу. Это же простая формальность. Подзаработаю и отремонтирую. Станет лучше новенького.

– Уверен, у тебя все будет отлично, – прозвучало неуверенно.

И уж точно я никак не ожидала увидеть красавчика лавочника, когда на следующее утро он вошел в чайную лавку следом за председателем Ослем, в смысле Осле, и каким-то неприятным типом, забывшим представиться. Мысленно я назвала его Стручок. Но именно под его ногой очень жалобно скрипнула половица. Этот протяжный вздох заново покрытого лаком пола словно напоминал, что старушку можно обрядить в новое платье, но моложе она все равно не сделается.

– Добро пожаловать в чайную лавку Ходжеса, – сверкнула я улыбкой.

– А где чай? – голос у мерзостного типа тоже был мерзостный. Острый взгляд прошелся по полкам с пустыми жестяными банками.

– Уже заварила.

Вчера я не пожалела трех монет, купила заварки (что было само по себе странно, учитывая, что лавка-то чайная), кремовых пирожных, яблок и маленькую бутылочку рябиновой

настойки, а утром в ожидании представителей гильдии выложила угощение в кухне на красивой салфетке.

– Угу, – пробормотал Стручок и подвесил в воздухе планшет с гербовым листом. Самописное перо моментально сделало пометку. Хотя Фред всем видом показывал, что мне совершенно не о чем беспокоиться, там точно была какая-нибудь гадость! Я начала дергаться и кусать губы.

Абсолютно во всем немедленно увиделась угроза моему разрешению. Утром на полу торгового зала обнаружились темные следы крысиных лап. Видимо, тварь вляпалась в краску и оставила отпечатки, словно пометив территорию. Логика подсказывала, что о хвостатой соседке представителям гильдии знать не стоило. Стараясь прикрыть безобразие, я передвинула тумбу, сколоченную заново Этаном, а чтобы никому не пришлось в голову проверить, что творится под ней, водрузила на нее коня. Бронзовая фигура оказалась единственным заметным пятном в пустом торговом зале.

Осмотр шел, и неожиданно я поймала Осле на том, что он попытался сунуть толстый палец в оскаленную пасть моего скакуна. Председатель быстро отдернул руку и продолжил крутить головой, а потом провел тем же пальцем по идеально начищенному светильнику на стене, как будто проверяя наличие пыли. Пыли не было, сама ночью три раза влажной тряпочкой прошлась.

– А это что? – в свою очередь, кивнул Стручок на статуэтку.

– Красивая, верно ведь, господин Крефин? – моментально вступился Фред. Фамилия у противного типчика оказалась опасная. Даже хуже, чем Осле.

– Это же просто конь, – недоуменно свел он брови.

– Зато какой! Бронзовый! – хлопнул по столешнице защитник, и она нехорошо хрустнула. Конь шатнулся. Мы с Фредом в ужасе дернулись. Плотник, конечно, сколотил тумбу заново, но после падения со второго этажа несколько нужных кусков в боковинах откололось, и старушка держалась на честном слове. И магии. Сама сегодня утром заморозила шовчики, теперь истекающие тонкой слезой.

– Угу, – промычал Стручок Крефин, и перо сделало очередную пометку.

Он двинулся дальше, а Фред остался стоять на месте, держа столешницу обеими руками.

«Отпусти коня!» – взглядом потребовала я.

«Она сломалась!» – он в панике указал глазами на тумбу.

– Что случилось? – немедленно любопытствовал Крефин.

– Ничего! – хором, как лицеисты, ответили мы и синхронно расплылись в фальшивых улыбках.

Председатель что-то спросил из чулана, подготовленного под хранение товара, и я на всякий случай крикнула:

– Да!

Надеюсь, что он не уточнял, не хочется ли мне порушить стены и сделать нормальный склад.

– Бери коня! – прошипела я Фреду, не представляя, как избежать очередного разрушения. Он немедленно схватил фигуру, а тумба, лишившись бронзового наездника, безнадежно сколилась на одну сторону.

– Сколько он весит? – прозвучал мучительный стон.

– Лучше спроси, сколько он стоит!

– И сколько?

– Еще немножко, и он будет стоять мне разрешения на торговлю!

Мы нагнали председателя со Стручком, тершихся спинами в узком чулане. Тут у обоих обострился приступ застарелого соперничества, видимо длившегося не первый год, они коллективно попытались выбраться из дверного проема, но застряли. Стало очевидно, что кому-

то следовало уступить, однако ни тот, ни другой не сдвинулись с места. Дергаясь и отталкиваясь от косяков, они кое-как вывалились наружу.

– Фред, зачем вы притащили коня? – одернул пиджак Стручок, нарочито игнорируя председателя.

– Решил, что вы его плохо рассмотрели, господин Крефин, – нашелся лавочник и для чего-то подпихнул конскую морду прямо ему в лицо: – Красавец! Правда?

– Господа, а почему бы нам не прерваться и не выпить чаю? – чувствуя, что осмотр выходит из-под контроля, уточнила я. – Проходите в кухню.

Услышав про угощение, председатель расплылся в довольной улыбке, а перо Крефина снова скрипнуло, сделав какую-то пометку. Неужели решил, будто их пытаются подкупить? Нет, конечно, я их тут кормить решила не по доброте душевной, но и перо, и шею Стручка хотелось свернуть.

– Не подумайте, будто я пытаюсь отвлечь вас от дел. Просто как раз подошло время второго завтрака, – с улыбкой я указала на настенные часы, висевшие на деревянной подпорке. Мужчины дружно подняли головы и с радостью обозрели, что часовые стрелки не двигались, замерев на десяти утра. Проклятие, за каким бесом мне пришлось в голову показывать на них?!

– Кухня туда, – решила я указать направление, раз с предметами скромного интерьера не заладилось.

С небывалым облегчением Фред пристроил бронзового скакуна на кухонный прилавок, а мы расселись вокруг накрытого стола. По рюмочкам была разлита рябиновая настойка, по чашкам – горячий крепкий чай, а пироженьки разложены на блюдах с золотой каемочкой.

Вернее, с золотой каемкой было всего одно блюдо, и я подсунула его председателю, зато Стручок вкушал слоено-кремовое чудо из тарелки с лошадьми и повозками. В общем, конская тема нас неотступно преследовала.

– Что ж, Алекса, – поднял рюмку председатель. – Лавка вашего дядюшки волшебным образом преобразилась...

Я расщедрилась на самую очаровательную в моем арсенале улыбку, немедленно прилипшую к губам, как на клейстер. За спиной председателя без всякого пиетета или страха спокойно шагала знакомая крыса. Но мало того что негодяйка заявила сама, так еще и подругу в гости привела! Следом за ней, обнюхивая вымытые каменные плитки, семенила тварь меньше, но, по-видимому, ничуть не скромнее.

– За новое начинание! – провозгласил Осле.

Непрошенные хвостатые гости скрылись за очагом, и я перевела дыхание. Председатель единственный опрокинул в себя настойку, а потом тут же налил снова.

– Господин Крефин, а отчего же вы не угоститесь? – прогудел он. – Неужели здоровье не позволяет?

– На службе не пью, – фыркнул тот.

Над столом повисла напряженная тишина.

– Что за дивный конь! Берите яблоки! – одновременно с Фредом высказались мы и, переглянувшись, обменялись слабыми улыбками.

От меня не ускользнуло, что перо, только-только спокойно лежавшее на кухонном прилавке, подпрыгнуло и что-то черкнуло в отчете. Как есть Крефин решил, что мы с соседом-лавочником в преступном сговоре!

– Фред, – вдруг сквозь зубы пробормотал Стручок, – перестаньте гладить меня по ноге! Я не понимаю ваших странных знаков и мне щекотно!

Красавчик округлил глаза и немедленно откестился от грязных приставаний:

– Для чего мне вас трогать?

Все трое мужчин уставились в мою сторону.

– Не смотрите на меня с таким подозрением! Мои ноги под стулом, – тут же выпалила я. Что характерно, председателя пострадавший в пошлостях не заподозрил.

– Тогда кто прямо сейчас ползет к моей коленке? – тихо уточнил он.

– Ну, явно не моя туфля, – проворчала я и не очень-то изящно заглянула под стол.

По широкой штанине Стручка осторожно, точно скалолазка на восхождении, карабкалась мелкая крыса! Светлый божечка! Похоже, хвостатые твари не просто заглянули на огонек, а решили в моей кухне устроить крысиный шабаш!

Оставалось импровизировать. Резко выпрямившись, я лучезарно улыбнулась и пропела:

– Ой, по вашей ноге ползет Фирс! Мой ручной крысеныш. Только сегодня из клетки убежал.

– Кто? – поперхнулся Стручок, немножко бледнея.

– Не переживайте, он сейчас до коленок доползет, а потом его можно будет стряхнуть...

С тоненьким визгом Крефин оттолкнулся пятками от пола. Стул перевернулся, и глабокоуважаемый представитель гильдии скovyрнулся на спину, высоко подняв ноги и утянув за собой салфетку с угощениями. Зазвенели разбитые чашки и тарелки, а в воздухе повеяло терпким запахом рябиновой настойки, растекшейся по полу.

– Вы целы? – вскрикнула я, бросаясь к мужчине, в связке со стулом похожим на перевернутую черепаху.

Несчастлиная крыса, не удержавшись на штанине, шлепнулась ему на живот.

– Я с детства крыс боюсь! Снимите с меня монстра! – вопил он, размахивая руками и ковыряясь в разлитой заварке, яблочных дольках и ошметках пирожных. – Он хочет отгрызть мне нос!

Гульфик, по которому ползал крысеныш, прикрывал вовсе не нос, и запускать туда руку девице было не очень-то прилично. Но разрешение на торговлю дороже! Желает, чтобы убрали крысу? Значит, уберем!

Потянулась двумя пальчиками, чтобы, не дай светлый бог, не дотронуться до ширинки на штанах... Вдруг Стручок сделал странное движение бедрами, пытаясь скинуть цепкого захватчика.

– Божечки, да перестаньте вы дергаться! – отдернула я руку, как от раскаленной сковороды. – Животное умертвите!

Я вознамерилась пнуть зверька мыском туфли, но положение спас Фред, который причинных мест на мужском теле не стеснялся. Он проворно поймал грызуна за хвост, и пока подвешенный вниз головой крысеныш изворачивался и пытался цапнуть ловца за пальцы, объявил:

– Алекса, держите вашего любимца!

– Оставьте себе, – предложила я и, подскочив к Стручку, схватила его под локоть. – Господин Кретин, вставайте! Сейчас господин Осел вам тоже поможет, а то я одна не справлюсь...

Тут на кухню обрушилось молчание, а на меня – жуткое осознание допущенной ошибки. Стручок, распластавшийся на полу, возмущенно округлил глаза. У председателя, все еще державшего полную рюмку, отвалилась челюсть (надеюсь, что не придется вправлять).

– Я хотела сказать Кретин и Осел, – попыталась исправиться я, но снова оговорила. – В смысле Крефин и Осле.

Тишина стала поистине гробовой.

– Не поверите, – понимая, что положение исправит только хорошая шутка, хохотнула я, – у вас такие забавные фамилии. Вот ваша похожа на кретина, а ваша на осла...

Всегда знала, когда стоило прикусить язык. Официально заявляю, что сегодня правильный момент был напрочь упущен! Лучше бы вообще рот не открывала!

Оскорбленные визитеры уходили с хмурыми минами, чеканя шаг, а Стручок еще и мое полотенце с цветочками унес – вытирал измазанное в креме лицо. Попросить вещь обратно я

не решилась, все еще надеясь, что он восхитится щедростью молоденькой лавочницы и одарит разрешением на торговлю. Как бы хороший человек не решил, будто сволочи дали ему взятку полотенчиками.

– Вы получите ответ! – процедил он.

– Когда?

– Когда-нибудь!

– Полотенце отдайте! – потребовала я, раз терять было нечего, но Крефин не услышал и такшибанул дверь, что от силы удара гостеприимный колокольчик не прозвенел, а подавился бряцаньем.

– Ну, госпожа Колфилд... – пробрюзжал председатель и выскочил на улицу следом за коллегой. Сквозь чистейшее, намытое до блеска окно витрины, я с тоской проследила, как они забирались в кеб, хотя пешком от чайной лавки до мэрии было идти минут пятнадцать.

– Не переживай, – попытался подбодрить меня Фред, пряча крысу в больших ладонях. – В лавке все сделано на совесть. Ты получишь разрешение, уж я об этом позабочусь. Завтра Осел, в смысле Осле, уезжает в столицу. Вот как вернется, так с ним и поговорю.

Тут за нашими спинами раздался грохот. Мы резко оглянулись. Тумба из-под коня все-таки отдала светлему богу душу и развалилась.

– И о Фирсе я тоже позабочусь, – пообещал добрый Фред.

Хотя бы кому-то сегодня привалило счастье! Я про крысеныша. Поди сам не догадывался, что, карабкаясь по ноге Крестина, в смысле Крефина, просто восходил на вершину к светлой жизни.

– Да уж. Корми его сытно.

Втайне я надеялась, что хвостатые соседи решат, будто в лавке «Тысяча мелочей» курорт для грызунов, и всем семейством перебегут к Оутисам, раз не желают травиться ядом, как все нормальные твари.

Убираясь в кухне, я прикидывала, во сколько мне встанет разрешение и хватит ли денег, ведь на счету в монетном дворе осталось раз-два и обчелся (хоть конем взятку давай), а заодно ругалась в пустоту.

– Стадо паршивых овец! – потрясла метелкой, намекая на хвостатых соседей. – Вы зачем тут, как кони, гарцевали перед этим... как его... Крефином, прости божечка, что за имечко! Нельзя было тихо в норке сегодня посидеть? Вы же еще выпас решили устроить!

Вылезла бы нахальная крыса, огрела бы, но она натворила дел и спряталась.

Пока ворчала и наводила порядок, в голове созрел план. Я решила подкараулить председателя Осле и наедине вручить остатки денег в обмен на разрешение. Торговая гильдия еще не понимала, с кем связывалась! Если у меня перед носом хлопала дверь, я пыталась влезть в окно, а если и оно оказывалось закрытым, то просто разбивала стекло и все равно попадала внутрь. Правда, однажды после такого способа меня загребли в участок и чуть не приписали взлом с проникновением.

Но, как всегда, если что-то могло пойти не по плану, оно обязательно шло. Когда, приведя себя в порядок и пересчитав последние золотые (между прочим, даже заначку на черный день из тайного кармашка вытащила), я вышла из лавки, то обнаружила, что узкую торговую улочку перекрыла тяжелая подвода, запряженная мерином. Из Вайтберри привезли заказанный чай!

Мешки были аккуратно зашиты и помечены этикетками, написанными несмываемыми чернилами. Товар перетащили в торговый зал. Внутри матерчатых торб пересыпались и шелестели долгожданные чаинки, обещавшие превратиться в золотые. Наскоро поставив подпись под бумагами, я распрощалась с грузчиками. Подвода еще пыталась вырваться на узкой улочке, а меня уже и след простыл.

До площади я почти бежала. Влетела в мэрию, выяснила у охранника, на месте ли председатель, а потом принялась ждать в аптеке, где продавали не только пилюли и притирки, но и горячий шоколад. Витрина как раз выходила на здание – ничего не пропустишь.

Когда на площадь опустились сумерки, фонарики зажгли уличные огни, а четыре выпитые кружки какао требовали тривиальных надобностей, к главному входу подъехала карета. Та самая, на которой представители гильдии с утречка уносились по колдобинам торговой улочки, увозя мое разрешение на торговлю. Председатель неспешно вышел и начал загружаться в карету. Мне несказанно повезло успеть! Если бы он отбыл, пришлось бы брать кеб и, как в старые добрые времена, пускаться в погоню, но я умудрилась незаметно скользнуть на сиденье через вторую дверь. Внутри густо пахло гиацинтовым благовонием, а Осле страстно сжимал в крепких объятиях трепетную даму в шляпке с пером неопознанной птицы.

– Госпожа Колфилд? – вытаращился на меня изменник над плечом любовницы. – Что вы тут делаете?!

Дама отпрянула от председателя, как от чумного, даже шляпка скособочилась.

– Ой, а это ваша карета? Простите, думала, что наемный экипаж! – пряча кошелек с монетами поглубже в карман пальто, сладко улыбнулась я. – Мадам Осле?

– Я? – пискнула незнакомка.

– Значит, не она.

– Между прочим, я его племянница! – агрессивно фыркнула та.

– Кто против? – ласково улыбнулась я. – Но знаете что? Скажу по секрету: при жизни дядюшка Ходжес меня ни разу так не обнимал.

– Как?

– Страстно, рьяно, жарко, похотл...

– Достаточно, Алекса! – перебил меня председатель. – Мы поняли, что у вас богатый словарный запас.

Он бросил злобный взгляд, и немедленно стало ясно, что в городке Питерборо у меня появился первый враг.

– Еще я умею держать свой богатый словарный запас за зубами, – многозначительно улыбнулась я. – А иногда у меня случаются провалы в памяти.

– И что вы хотите за очередной провал в памяти? Хотя не говорите, я догадываюсь. – Он сморщился, точно бросил в рот дольку лимона...

Домой я возвращалась, едва не танцуя. Теперь у меня было и разрешение, и товар, и хорошо отремонтированное помещение. Держись, Питерборо! Старая лавка Ходжеса открывается заново! Я стану устраивать чаепития, дегустации и создам литературный клуб «Чашечка чая под хорошую книгу»!

В лавке витал странный запах, показавшийся особенно густым после кристально чистого, холодного воздуха улицы. Торговый зал, заваленный мешками с заваркой, должен был благоухать благородными чайными листьями, но обоняние раздражал пряный аромат, вызывавший желание громко чихнуть. Как будто в мой чай вместо бергамота сыпанули красного перца!

Ножом для резки бумаги я осторожно вскрыла один из мешков, и на пол посыпались черные мелкие горошины. Не веря собственным глазам, зачерпнула пригоршню и принялась, почти уверенная, что в обмане зрения был виноват тусклый свет. Но нет, никакой ошибки! Мне подсунули целый мешок душистого перца!

Холодея, я принялась проверять привезенный товар.

Перец красный, черный, белый. Много-много пряностей! И ни одной чаинки!

Усевшись на корточки, я тарасилась на мешки и второй раз в жизни не представляла, что делать. В прошлом месяце, когда нас с конем выставили из газеты, а потом никуда не захотели брать, мне вдруг пришло письмо из Питерборо. Я уцепилась за возможность изменить жизнь.

И – проклятие – ведь изменила! Стала хозяйкой не только бронзовой фигуры, но и старой лавки, огромного долга и двадцати мешков всевозможных пряностей!

Увы, но от перца бежать было некуда.

Поставщик чая с перекошенным, покрасневшим от ярости лицом тряс у меня перед носом уже изрядно помятой бумажкой о товаре, принятом накануне.

– Это ваша подпись? Ваша?

– Моя! – нависая над столом, не стала отбрыкиваться я и снова ткнула в накладную пальцем. – Но подписана она по ошибке, под давлением обстоятельств!

– Подписали? Подписали! – рычал поставщик, почему-то в прошлый раз, морда аферистская, показавшийся мне ужасно милым (как знала, что не надо было пить предложенный им ромашковый чай). – К нам какие претензии?

– Ваши грузчики застали меня врасплах!

На самом деле скандал шел по кругу. С того момента, как, сметя с дороги секретаря, я ворвалась в кабинет поставщика и с порога пошла в наступление, в смысле закатила такой скандал, что сотряслись стены, мы повторяли один и тот же диалог.

– Откуда вообще в вашем чайном доме взялся перец?! – выкрикнула я. – Здесь же заварка должна под ногами хрустеть!

– Между прочим, нас тоже обманывают!

– Ага! – пошла я в наступление. – То есть вы признаете, мошенник, что втюхали мне перец обманом!

– Это ваша подпись?! – захрипел торговец.

Тут я подавилась воздухом и выставила палец, мол, дайте мгновение, надо прокашляться, прежде чем вопить заново.

– Вообще, чем докажете, что мы вам перец привезли? – вдруг успокоился аферист.

– Ах, вы доказательств хотите?! – прошипела я. – Будут вам доказательства!

Он же, подлец, не подозревал, что я притащила с собой мешок с душистыми горошинами. Перла, ругалась на чем свет стоит (и больше матом), но тащила в качестве доказательства. Просто оставила его в коридоре, чтобы эффектно влететь во вражеский стан и застать мошенников врасплах.

Выскочив из кабинета, я на секунду замешкалась – оказалось, в приемной собралось не меньше десяти человек и все с большим удовольствием слушали доносившиеся вопли.

– Жулики! – рявкнула я, глядя на местных обманщиков, и выглянула в коридор. Мешок, помеченный названием чайного сорта «Звезда Востока», по-прежнему подпирал побеленную стену. Схватив багаж двумя руками, полусогнутая я протащила его по полу, толкнула бедром дверь приемной и протиснулась спиной. Народ с изумлением следил, как растрепанная фурия волочила тяжелую ношу в кабинет к начальству. Ворваться уже, конечно, не получилось, но как эффектно я вползла!

– Вы приехали с мешком перца?! – поперхнулся он и, схватив со стола стакан с водой, залпом выпил.

– А вы думали, я к вам с горсткой заявлюсь?

– Из Питерборо?!

– Да хоть бы из самой столицы! Что здесь написано? – указала я на пришитую этикетку с расписанным чайным составом и весом. – Читайте!

– Я без очков не вижу!

– А вы поближе подойдите! Хотя не утруждайтесь, сама прочитаю. «Звезда Востока»! Чай с легкой цитрусовой ноткой и чем-то там еще восточным! Но смотрите! – Я с помпой рванула у мешка перевязанную горловину, и по полу посыпались горошинки. – Та-дам!

– Ну, пряности же на Востоке делают... – тихонечко вставил противник.

– Вы издеваетесь?! Я требую, чтобы вы забрали свой перец и отдали мой чай!

– А чем докажете, что вы не высыпали чай и не засыпали в наш мешок перец? – вдруг нашелся торговец.

– Засып... – попыталась возмутиться я и страшно захрипела, вдруг потеряв голос. Замахала руками, требуя воды. Видимо, подлец решил, что прямо сейчас рядом с мешком пряностей еще появится труп девицы, и подсунул мне стакан. К слову, тот же, из которого пил сам. Вот ведь чума! Хорошо, что подлость не передается через общую посуду или воздушно-капельным путем.

Вода закончилась. Я пристроила опустевший стакан на край стола и уперла руки в бока:

– А знаете что?

– Что? – выкатил прощелыга грудь.

Не произнося ни слова, я выхватила из мешка горсть перца и швырнула лгуну в лицо:

– Получите!

– Да вы с ума сошли, дамочка! – взвизгнул он, прикрываясь от прицельной атаки. – Ваш дядька в гробу перевернется от такого неуважения к...

– Ваш тоже! – рявкнула я и метнула новую пригоршню. – А если он еще жив, то сам ляжет в гроб, чтобы перевернуться!

А потом со злостью пихнула мешок. Сухие твердые горошины, похожие на мелких паучков, живым потоком посыпались по полу. Поскакали под мебель, забились в щелки.

– Что вы делаете?! – разъярился торговец.

– Отсыпая сдачи! – удовлетворенно отряхнула я руки и пожелала: – Чтобы вам разориться еще до конца года!

Развернувшись и... осознала, что горделиво стучать каблуками не получится – вокруг были рассыпаны горошинки. Неудачно наступишь – и к выходу разве что горделиво отползешь на карачках. Пришлось идти на цыпочках, не слишком грациозно наступая на чистые островки пола. Кузнечиком на тонких каблукках и допрыгала до двери.

– Хулиганка! – просипел мне в спину аферист.

– Мошенник! – не осталась в долгу я и шарахнула дверью кабинета с такой яростью, что наверняка даже на улице прохожие осенили себя святым знаменем, решив, будто услышали отголоски божественного грома.

В притихшей приемной у меня случился приступ жадности. Жаба душила с такой силой, что хоть локоть себе кусай! Как подумала, сколько заплатила за перец, чуть концы не отдала!

С непроницаемым видом я снова вернулась в кабинет. При моем возникновении на пороге торговец без преувеличений вздрогнул.

– Это мое! – заявила я и, сжав горловину ополовиненного, полегчавшего мешка, все-таки убралась восвояси, вернее, на засыпанную осенними листьями смурую улицу. Перекинула мешок через плечо и кое-как побрела к omnibusной станции.

Передвигаться на каблуках, когда сверху к земле прижимал приличный груз, было ужас как паршиво. По дороге из Питерборо omnibus останавливался практически возле чайного дома, мешок и переть-то особенно не пришлось. Сейчас его тяжесть, казалось, вбивала меня с каблуками в пешеходную мостовую, будто молоток – гвозди. В крышку гроба.

Выдохшись, я остановилась напротив открытых ворот рынка. Скинула мешок на землю и выпрямилась, чувствуя, как ноет каждая мышца. Рядом с торговыми лотками и прилавками терлись грузчики с тачками.

– Эй, народ! – позвала я, вытягивая шею, но «народ» оказался исключительно тугоухий и напрочь проигнорировал измученную лавочницу, а если заметил, то ответить не пожелал.

Сжав зубы от злости, я взвалила мешок на спину и, не разгибая коленей, пошла на рынок. Вокруг витал характерный запах: смесь нечистот и свежей зелени. Живя в столице,

я предпочитала закупаться в продуктовых лавках, но теперь приходилось экономить, так что местные ароматы меня больше не отпугивали.

– Господа доставщики! – прохрипела я, практически добравшись до лодырей, сидевших на тачках, подобно воробьям на заборе. Тут мое внимание привлек прилавок с ящиками всевозможных специй. Был там и черный, и красный, и белый перец, и желтый порошок карри, пахнувший пряно и остро. Вокруг толпились покупатели, а усатый, чернобровый торговец, с видом ярмарочного фокусника засыпая ложкой в бумажную воронку пряности из разных емкостей, получал ядреную смесь.

– Для мяса! – объявил он, передавая свернутый кулек девице в чепце и с плетеной корзиной на сгибе локтя.

Идея в голове сверкнула так ярко, что я чуть не взвизгнула от счастья! Наплевать на чай! Я буду продавать смеси перца!

– Девушка, вам нужны пряности? – заметил меня торговец из-за прилавка.

– Нет! – Я подняла плечо, намекая на мешок. – У меня своих двадцать мешков дома лежит!

Груз за спиной вдруг стал ужасно легким, к туфлям точно приделали крылья. Сама не поняла, как подскочила к лавчонке в самом углу рынка, где продавались всевозможные баночки. Купила несколько разных размеров, пробковые крышки, коричневые этикетки и сургуч для печатей. Как добралась до omnibusной станции, даже не заметила. На холодную морось, начавшуюся по дороге, внимания тоже не обратила.

Карета оказалась переполненной. Звения банками и наступая на чужие ноги, я кое-как протиснулась на единственное свободное место в самом конце салона. Экипаж тронулся, загремел по мостовой, и салон наполнился непотребным перезвоном банок. Вроде и купила немного, но звякали они истошно.

Делая вид, будто не являюсь источником безобразной какофонии, вытащила из кармана пудреницу, заглянула в зеркальце и вздрогнула. Из зеркала на меня смотрела бродяжка с мокрыми волосами, черными потеками туши под глазами и размазанной помадой. Достала из ридикюля платочек, попыталась вытереть черноту, но краска наотрез отказывалась оттираться. Послунявила кончик тряпицы, но тут встретилась взглядом с попутчиком напротив. Он переводил презрительный взгляд с моей физиономии на позвякивавшую сумку. Верно, принял меня за пьянчужку.

– Это не бутылки, – уверила я. – Это банки. Пустые.

Он поджал губы.

– Для перца. Хотите, отсыплю? – для чего-то добавила я, кивнув на мешок между нашими ногами.

Мужчина отвернулся к сквозящему окну и принялся разглядывать промокшую под дождем улицу с жалко лысеющими кленами.

– Зря отказываетесь, – пожала плечами и, наплевав на условности, начала поправлять краску на глазах.

Глава 3

Пряная штучка

В насквозь продуваемом деревянном ангаре, где располагалась столярная мастерская, было ужасно шумно. Вокруг пилили, шкурили и сколачивали. Воздух пах влажной древесной стружкой и железом. Работы не останавливались ни на мгновение, и мастер, смотревший на меня, как на чокнутую, явно раздражался.

– Этан, говоришь? – прогудел он и характерно почесал затылок. – А фамилия?

– Да не знаю!

– У нас тут трое Этанов бывает.

– У моего еще подмастерье есть, тощенький и долговязый. Ирвином зовут.

Недоумение на обветренном лице мастера сменилось странной ухмылкой, как будто он знал о нас с плотником какой-то грязный секрет.

– Почему вы так улыбаетесь? – справедливо взъерепенилась я. – Вспомнили, о ком мы толкуем? Или просто подмастерье забываем?

Забуть Ирвина, честно говоря, было действительно сложно. Лично у меня бедняга вызывал непреодолимое желание защитить, пожалеть и накормить посытнее, чтобы сильным ветром не сносило по улице.

Мастер переглянулся с напарником, который до того заинтересовался разговором, что на время отложил молоток.

– Передать чего, когда он появится? – предложили мне.

– Пусть заглянет в старую чайную лавку.

Я хотела заказать вывеску, даже название, достойное острого начинания, придумала! Буркнув недовольное «спасибо», вернулась домой и, наскоро перекусив, засела за изучение старых матушкиных блокнотов.

В гастрономической магии маме не было равных. Она свято верила, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок, а потому любая уважающая себя женщина была обязана освоить приготовление чечевичной похлебки, жаркого из ягненка с черносливом и творожных пончиков. Но к двадцати четырем годам я на практике убедилась, что к сердцу мужчины имелись и другие, менее витиеватые пути, не вынуждавшие стоять у очага по три часа кряду. А умения превосходной хозяйки не смогли удержать в доме моего непутевого отца – сбежал от запеканок, домашних апельсиновых конфитюров и отбивных правильной прожарки так, что только кожаные подошвы на домашних туфлях мелькали.

Читая мамины рецепты, я непроизвольно сглатывала набегающую слюну, запивала кипятком и удивлялась скрупулезности, с какой были расписаны унции каждого ингредиента. Впрочем, матушкина дотошность сэкономила мне кучу времени. Казалось, что смеси специй, расписанные для блюд, только и ждали, чтобы ими воспользовались.

Тут кто-то постучался в стекло садовой двери. Я даже подскочила, как если бы сидела на втором этаже, а в окно неожиданно заскреблись. За порогом стоял Фред. Он сверкнул белозубой улыбкой и продемонстрировал бумажный пакет.

– Я стучался, но ты не открывала, – заявил гость. – Решил проверить кухню.

– Ты ведь не принес крысеныша? – с подозрением спросила я, отпирая хлипкую дверь.

– Нет, – хохотнул он. – Я отдал Фирса племяннице. Она в восторге.

– У тебя больше нет племянниц? – тут же любопытствовала я в надежде, что раз крыс не получается ни выселить, ни вытравить, может, выйдет выловить и раздать в хорошие руки.

– Только одна, – с сожалением вздохнул Фред.

– А подружек у нее нет? – без особой надежды спросила я, пытаясь справиться с заедавшим замком.

– Давай помогу. – Фред заставил меня подвинуться и с легкостью провернул ключ в замочной скважине. – Слышал, председатель лично дал тебе разрешение?

– Угу.

– Я подумал, что раз лавка отремонтирована, разрешение получено, а витрины больше не заколочены, то можно прийти в гости на чай.

– А чая нет.

– Есть. – Он потряс бумажным свертком.

Едва я собралась объявить, что угощений в доме тоже не водилось, разве что банка горького каштанового меда, привезенная еще из Кингсбурга, как Фред опередил:

– Еще я принес пирожные.

– Как предусмотрительно, – без особой радости пробурчала я себе под нос.

Всю жизнь ненавидела, когда меня отвлекали от работы. Ощущение незавершенности выводило из душевного равновесия. Однако пришлось смириться с тем, что гостя запросто из лавки выставить не выйдет и надо обеспечить кипятком, раз чай ему захотелось заварить именно в моей, а не в своей кухне.

Неожиданно до нас донесся настойчивый стук во входную дверь, будто гостей в лавку привлекал запах приправ.

– Плотник пришел, – вздохнула я.

Фред следом за мной отправился в торговый зал, где на стене ярко и дерзко, всем врагам назло горел знак торговой гильдии, а пол был завален мешками с перцем. Неожиданно гость громко чихнул, вероятно, от густого запаха острых специй.

– Чем тут так пахнет? – промычал он и шмыгнул немедленно заложенным носом.

– Пряностями.

– Разве ты не хотела открыть чайную лавку? – удивился Фред, видимо, не усмотрев в происходящем никакой торговой логики. И правда, зачем закупать паприку с душистым перцем в чайный дом?

– Не получилось, – туманно пояснила я и отперла засов на входной двери.

На пороге стоял Этан, гладковыбритый, аккуратно причесанный и совершенно непохожий на разнорабочего, как будто на свидание пришел. Ирвина не было, видимо, беднягу забыли в мастерской... или не стали брать на встречу, чтобы не вздумал держать свечку.

– Мне передали, что вы просили зайти, – вымолвил плотник, перешагивая через порог, немедленно обнаружил Фреда, и лицо его несколько перекошилось.

Не знаю, нужно ли было представлять друг другу лавочника и плотника, но они разобрались без моего участия.

– Фред, – протянул сосед руку для приветствия. – Фред Оутис.

– Этан, – ответил на рукопожатие второй гость. – Господин Этан. Помогаете Алексе по хозяйству?

– Держу хозяйственную лавку по соседству.

Сцепленные мужские руки сжимались все сильнее, у обоих побелели костяшки. Странно, как до меня не доносился звук хрустящих костей.

– Лавочник, значит? – заломил бровь плотник.

– А вы разнорабочий? – почему-то тоже прозвучало как оскорбление. – Гоняетесь за заказами?

– Так хорошо идет торговля, что в середине дня можно лавочку прикрыть?

Я с любопытством наблюдала за чудной пикировкой и гадала, не проломится ли пол, если они начнут друг друга мутузить. С другой стороны, один плотник, другой торговец, а

значит, и доски купить смогут, и полы перестелить. Даже захотелось драки, чтобы за чужой счет доделать ремонт.

Мужские руки расцепились. Незаметно друг от друга (но не от меня), противники принялись разминать скукоженные крепким захватом пальцы.

– Ладно, вы тут пока представляйтесь, а я за наброском сбегаю, – предложила я.

– За каким еще наброском? – не понял Этан.

– Вывески.

– Вы хотите, чтобы я сделал вывеску? Я плотник, а не резчик по дереву.

– А есть какая-то разница? – удивилась я.

– Ты знаешь, Алекса, на самом деле я неплохо умею вырезать... – заикнулся Фред, но его тут же перебили.

– Неси свой набросок, – неожиданно перейдя на ты, чтобы усть противника, отправил меня Этан на второй этаж.

Вообще, я давно заметила, что стоило двум мужчинам оказаться в замкнутом пространстве, они начинали вести себя исключительно странно. Я бы даже сказала, как последние кретины. Если их не связывали мистические узы дружбы, то в голове щелкали какие-то пружинки и воинственные аборигены принимались отвоевывать территории (хорошо, что не помечать). И плевать, что территория в нашем случае принадлежала только мне.

Когда я поднималась по лестнице, Фред прикрикнул:

– Мешки с перцем нужно убрать куда-то?

– Да, в погреб, но никак не хватает времени грузчика нанять.

Я подхватила папку с несколькими эскизами вывески и услышала, что в торговом зале происходит подозрительный переполох. Недоуменно нахмурившись, поспешила обратно, но мужчин не застала.

– Этан? Фред? – удивленно позвала я.

До меня донеслись приглушенные голоса. В полу кладовой, отведенной под хранение товара, был раскрыт погреб. Внизу горела свеча. Осторожно спустившись на пару ступенек по деревянной лестнице, я согнулась и проверила, чем занимались мои гости. Они перетягивали друг у друга мешок с перцем, видимо пытаясь договориться, куда его пристроить.

– Просто положите на стеллаж, – посоветовала я.

Следующие двадцать минут оставалось лишь наблюдать, как, прее от натуги, подстегнутые азартом соперники тягали мешки. Наверняка завтра обоим ждал приступ радикулита и мизантропии, особенно по отношению к хозяйкам торговых лавок, но ни один сдаваться не собирался. Они носились по залу как ужаленные, хотя к середине второго десятка явно проклинали соревновательный дух, а Фред вдобавок подозрительно хлюпал носом.

Вдруг в погребе что-то звучно хрустнуло и раздался вопль Этана:

– Да твою ж!

– Ты в порядке? – испугалась я, беспокоясь за плотника. Он валялся на земляном полу, сверху придавленный мешком.

– Похоже на то, что я в порядке?! – прохрипел пострадавший, делая отчаянные попытки подняться.

– Я тебе сейчас помогу!

Надо же было зацепиться каблуком за ощеренную длинными острыми щепками ступеньку и с визгом плюхнуться вниз! Воспитанная девушка совершенно точно не имела права догадываться о значении тех слов, которые в тот момент вылетали из моего рта.

Хорошо, что Этан меня перехватил. Снова сверзившись на земляной пол, спаситель странно крикнул, словно выпустил из груди предсмертный вздох. Мы представляли собой сандвич из двух человеческих тел с прослойкой из мешка, полного перца. Зажмурившись, я испуганно пробормотала:

– Этан? Ты не умер?

– Алекса, зачем ты сюда упала? – раздался сверху возглас Фреда, заносившего очередной куль. Конечно, туфли у меня спросили, прежде чем зацепиться за щепу! Не хотите ли, госпожа Колфилд, припечатать своим телом контуженого плотника?

С мешка, лежащего на Этане, я скатилась с такой проворностью, будто меня обожгло. Краем глаза заметила, что Фред заносит ногу над сломанной ступенькой, и выкрикнула:

– Осторожнее!

Мгновение спустя лавочник кувыркнулся в погреб, выронив мешок и сметя по пути свечу. В крошечной темноте прозвучал удар, матерное ругательство и страшный сип умирающего человека.

– Фред, ты раздавил Этана! – испугалась я.

Выставив руки, попыталась подняться, споткнулась о мужчину и рухнула сверху, грудью припечатав Фреда к издыхающему плотнику. Теперь мы представляли собой не просто сандвич, а расплюснутый слоеный пирожок, у которого первый слой превратился в подошву.

– Слезьте! – хрипел внизу Этан. – Слезьте с меня, демоны! Пока я еще жив...

Разлепяться во мраке тесного погреба было жуть как неловко. Мы путались в руках и ногах, пару раз столкнулись лбами. Думаю, что Этана спас мешок с перцем, иначе бы затоптали. Наконец, измученные, растрепанные и изрядно помятые, все трое выбрались из погреба.

От чая с пирожными неудачливые грузчики решительно отказались. Подозреваю, оба знатно пострадали. Мысленно я представляла, как по дороге из лавки с их лиц сходит сдержанное выражение и проявляется гримаса боли. Когда Этан уже вышел за порог, звякнув на прощание дверным колокольчиком, я вспомнила про вывеску:

– Постой! А как же моя вывеска?

– Давай наброски, – вернувшись, буркнул он.

Когда блокнот с эскизами перекочевал в его руки, он проверил неумелые рисунки и многозначительно изогнул брови:

– «Острая перчинка»? Ты хочешь назвать лавку «Перчинкой»?

– Отличное название для лавки пряностей! – огрызнулась я. – Если бы ты шарил в ярких названиях, то сейчас имел бы свою пилораму, а не работал плотником.

Этан одарил меня выразительным взглядом, закрыл блокнот и вышел за дверь.

– А цена? – выскочив на ледяную улицу, я поежилась от холода. В доме-то постоянно тлел очаг, и тепло из кухни струилось в торговый зал.

– Не разорю! – рявкнул он, даже не оглянувшись. – Четвертым днем привезу!

– И чего разорался, чувствительный какой? – буркнула, поскорее прячась в лавке.

За неделю, что я провела за приготовлением смесей, воздух в бывшей чайной лавке насквозь пропитался особенным, острым и душистым, ароматом пряностей. Подозреваю, что я сама им тоже несколько пропиталась и благоуханный шлейф тянулся за мной на пару ярдов.

На полках в лавке затеснились красивые баночки с коричневыми этикетками, приклеенными с помощью магии. К каждой емкости была привязана карточка с рецептом приготовления блюда из маминой коллекции. Я специально выбирала те, что попроще, чтобы не отпугнуть сложной кулинарной магией покупателей.

Предложишь какую-нибудь утку в паприке и с гречишной начинкой – и больше не увидишь клиентку. А посыпать кусок отбитой говядины черным молотым перцем, перемешанным с солью, и с двух сторон пожарить сможет любая девица... даже я сама (проверить на личном опыте не успела, но инструкцию из маминого блокнота выучила наизусть). Не пожалела времени и на то, чтобы расклеить по всем информационным доскам объявления, что в Питер-боро начинает работу чудесная лавка пряностей, способных за секунду превратить даже самое заурядное блюдо в королевское угощение.

В день открытия мне не хватало только заказанной вывески (а ведь обещал четвертого дня привезти, мошенник!)... и толпы восторженных домохозяек, решительно желающих оказаться просветленными и простым способом осчастливить оголодавшего мужа.

До обеда в лавку заглянула только пара случайно проходивших мимо прохожих, да и те по старой привычке хотели купить чая. Я уже подумывала сбегать на рынок за парой фунтов черного чая – хоть перепродам, чтобы не закрывать рабочий день всухую, но звякнул колокольчик. По полу потянуло сквозняком, и дверь впустила в торговый зал Ирвина. Ученик плотника держал под мышкой прямоугольный сверток, очень похожий на завернутую в коричневую бумагу картину.

– Здравствуйте! – улыбнулся Ирвин.

– Не прошло и полгода, – недовольно проворчала я.

– Только доставили.

– Вы ее в столице, что ли, резали?

– А? – вдруг растерялся Ирвин, будто его наставник действительно гонял в Кингсбург, чтобы изготовить вывеску для перечной лавки, и немедленно заявил: – Господин Этан велел повесить.

– Хорошо хоть, не повеситься, – выходя из-за прилавка, буркнула я под нос.

– Простите? – удивился подмастерье откровенному недружелюбию.

В душе я, конечно, понимала, что злилась вовсе не из-за вывески, а из-за полного отсутствия покупателей. Никто не спорил, что перечные смеси – продукт в хозяйстве не первой надобности, но такого оглушительного провала никто не ожидал. Ведь ни один хороший человек, а сколько их, сволочей, все-таки проживало в Питерборо (точно не знаю, но наверняка немало), не захотел заглянуть в новую торговую лавку просто из любопытства. Появись они, без перечной баночки точно не ушли бы!

Между тем Ирвин раскрыл упаковку, и моему взору предстала удивительной красоты вывеска. Название было вырезано витиеватыми буквами на специально состаренном дереве, а к уголку на невидимой магической подвеске была привязана гроздь ярко-алых стручков острого перца, словно парившая в воздухе.

– Как? – видимо, заметив мое ошеломление, расплылся в улыбке Ирвин. – Нравится?

– Я в шоке...

– В шоке – это хорошо или плохо? – засомневался подмастерье, не догадываясь, отчего у клиентки, мягко говоря, вытянулось лицо.

Пока страшный вопрос, во сколько же мне встанет по-столичному изящная красота, решила оставить и разобраться в проблеме более насущной:

– Ты уверен, что вывеска для моей лавки? Заказы не перепутал?

– Для вашей, – уверил Ирвин.

– Но почему на ней написано «Пряная штучка»?

– А что должно быть? – изумился подмастерье.

– Или у меня проблемы со зрением и я читаю неправильно, или у твоего хозяина проблемы с памятью и он забыл, что ему заказывали вывеску про перец: «Острая перчинка».

– Так господин Этан сказал, что «Пряная штучка» гораздо лучше вам подходит... – тут Ирвин замялся и, испуганно сглотнув, пробормотал: – Он, верно, имел в виду вас лично, а я перепутал...

– Вырезал ты? – прищурилась я.

– Ну как вырезал... – смутился подмастерье и заканючил: – Госпожа Алекса, а мы можем сей возмутительный факт моей небрежности скрыть от господина Этана?

– А мне что делать-то? – подбоченилась я.

– Понять и простить? – в глазах Ирвина читалась нечеловеческая тоска.

– Ага, и называться «Пряной штучкой»?

– Ну, «Острая перчинка» тоже не бог весть какое название... Извините. Придуманное вами название – выше всяких похвал.

Было видно, что подмастерье попал в огромные неприятности и подумывал, куда смотреть от наставника, чтобы остаться целеньким.

– Бесплатно! – сжалилась я и указала пальцем вывеску. – Я готова молчать, если она достанется мне даром!

– Всего-то? – выдохнул он и тут же заулыбался. – Да забирайте! Господин Этан все равно сказал, что денег за нее не возьмет.

– Серьезно? Еще бы он за это уродство золотые требовал!

Вывеска была дорогой и необычной, а название мне, как ни странно, нравилось. Про уродство сказала исключительно для профилактики, чтобы не заикнулся про деньги. Знаем мы таких дарителей! Сначала в руки силой впихивают, а потом объясняют, сколько надо заплатить за то, что потискала.

– Я должен сам ее повесить! – подрядился Ирвин. – Цитируя господина Этана: «Чтобы шею себе не сломала на лестнице»... кхм... а где тут лестница?

Когда торговое произведение искусства повисло на цепях и красные перчинки, плывущие в воздухе, вдруг зазвенели от дуновения ветра, то стало ясно – даже если бы вывеску действительно перепутали или потребовали горку денег и еще две монетки, выскребла бы все до последнего пенса, но обратно увезти не позволила бы.

Когда работа была закончена и Ирвин убрал складную лестницу в садовый домик, то был щедро накормлен похлебкой. Откровенно сказать, кухарка из меня изрядно так себе. Над очагом я стоять не любила, но чего-то намудрила со смесью для супа и пришлось сварить ковшик на пробу. Вышла страшная дрянь, но подмастерье не жаловался, ел. Правда, жадно закусывал хлебом.

– Остро? – уточнила я.

– Нет, очень вкусно, – невнятно промычал он с оттопыренной хлебным мякишем щекой.

Вообще, странно, потому что по рецепту похлебку надо было готовить на мясном бульоне, но мяса у меня не имелось, а бульон я варить не умела, так что сделала на воде.

– Не пересолено? – услужливо уточнила я.

– Может, чуточку, – деликатно объяснил он, что язык оказался сожженным напрочь.

– Уменьшить соли на десять унций, – немедленно приказала я встрепнувшемуся перу сделать пометку в рабочем блокноте.

Ирвин вдруг понял, что выступал в роли подопытной крысы, и обиженно посмотрел на дно почти опустевшей тарелки.

– Кажется, там колокольчик звякнул! – с надеждой заявил он, желая отослать меня из кухни и избавиться от остатков обеда.

– От сквозняка.

– Совсем с покупателями туго? – Ирвин вздохнул и прихлебнул супчик.

– Похоже, в Питерборо перец не в чести, – призналась я, что немножко начинаю нервничать из-за отсутствия покупателей. Каждая проданная баночка приближала к возвращению долга, а пока все баночки стояли на полках торгового зала.

– Вам бы объявления развесить.

– Развесила по всему городу.

– Ни одного не видел, – удивился подмастерье.

Как только он ушел, я написала новые объявления, заперла лавку и обошла информационные доски. Ирвин оказался прав, ни одного упоминания о том, что в Питерборо открылась лавка пряностей, не нашлось и в помине!

Я заново развесила зазывные листовки с заголовком: «Пряная штучка! Простой рецепт семейного счастья! Добавь в жизнь перчинку!» В этот раз приклеила с помощью магии, чтобы

ни порывом ветра, ни рукой завистника, ни силами дворников объявления не сорвало. А сверху наложила заклятье водонепроницаемости и свечения в темноте. Специальным магическим хитrostям меня научили, как ни странно, в редакции, ведь во время работы записи приходилось вести в любую погоду и в любое время суток.

Когда на Питерборо опустилась холодная осенняя ночь и на торговой улице зажгли фонари (все, кроме того, что стоял рядом с лавкой), в торговом зале зазвенел колокольчик. Я размалывала в кофемолке перечные горошины и не ждала покупателей. Так увлеклась смешиванием специй, что забыла о времени и не закрыла дверь на засов. Однако, несмотря на поздний час, морщить нос на потенциальных клиентов я просто не имела права.

Вытирая руки о полотенце, как была в поварском фартуке, выглянула из кухни. В торговом зале, с любопытством оглядываясь по сторонам, стояли трое плечистых здоровяков в форме королевского флота. Что они забыли в Питерборо, где вместо реки протекал широкий ручей, а через него пафосно перебросили горбатый каменный мост, было совершенно непонятно. Может, заблудились и дорогу решили узнать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.